

ВИКТОРИАНСКИЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

АЛЕКСАНДРА ТОРН

ДАРЫ И ГНЕВ ЛЕДЯНОГО КОРОЛЯ

МИР КОМИССАРА БРЕННОНА
И МИСТЕРА ЛОНГСДЕЙЛА

Александра Торн
Дары и гнев Ледяного короля
Серия «Консультант», книга 5
Серия «Магия
викторианского детектива»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70272526
ISBN 978-5-17-160705-0*

Аннотация

В этом мире существует магия и обитают самые опасные твари. Но здесь, как и у нас, важнее всего человечность и бесстрашие, чистота души и любовь. Добро и зло ведет свою извечную войну, и каждый совершает свой собственный нравственный выбор. Мальчик ищет отца и... находит, но совсем не так, как ожидал... Попытка заработать на пустяковом деле оборачивается большими проблемами... Мчится сквозь полночь огромный экспресс, везущий своих странных пассажиров, а в горах помогает людям таинственный Черный Проводник, охраняющий древний магический секрет...

Содержание

Дирдайле	4
Дары и гнев Ледяного Короля	46
Первая охота	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Александра Торн

Дары и гнев

Ледяного короля

Дирдайле

Ольденфурт, побережье
Дорнгерна, 14 сентября 1840 года

Кеннет Бреннон не был красавцем в привычном смысле этого слова. Лицо – скуластое, с широко расставленными серыми глазами, тяжелым квадратным подбородком и длинным прямым носом; волосы – светло-рыжие, взъерошенные, как мокрые перья, хотя недельная щетина была скорее золотистой, а брови – светло-каштановыми. В Риаве, где капитан родился, разноцветные брови, волосы и борода считались признаком особой удачливости – и как раз на удачу капитан пожаловаться не мог.

Бреннон стоял у трапа и следил за окончанием погрузки багажа и товаров, которые взялся перевезти за весьма приятную сумму из Ольденфурта в Сан-Мариани, с заходом в один из южных портов Риавы. Погрузка уже заканчивалась,

и Кеннет обратил внимание на тощего старика со всклокоченной бородой, который метался по пристани в осенних сумерках. Наконец старик заметил рослую, широкоплечую фигуру капитана Бреннона и бросился к нему с криком:

– Сэр! Дорогой сэр!

Хотя он обратился к капитану на дейрском, Бреннон решил сделать скидку на невежество местных и сказал:

– М-да?

Старик, одетый в изношенный длинный балахон, запустил в бороду обе руки и тяжело дышал. Капитан Бреннон молча ждал, похлопывая по широкой ладони стопкой подорожных листов и товарных накладных.

– Сэр... Это... возьмите... это вам.

Кеннет в изумлении уставился на туго набитый кошелек, который старец выудил откуда-то из-под бороды.

– Мне?

– Мало? – испугался старик.

– Нет, – ответил капитан брига «Аберрейн». – Непонятно.

– Вы берете грузы на борт? – торопливо спросил старик, все еще пытаясь всунуть в руки Кеннета кошелек.

– По товарной накладной, пассажирской подорожной или почтовому ордеру.

– А... э... и больше никак? – с робкой надеждой пробормотал собеседник.

– Контрабандой не занимаюсь, – отрезал Бреннон. Это была неправда. Но старик не вызывал у него доверия.

– Это не контрабанда! Я заплачу! Я... клянусь...

– Пассажиров беру с багажом, – буркнул Кеннет, вновь поворачиваясь к проплывающим вверх по трапу сундукам и тюкам.

– Ну тогда считайте ее пассажиркой, – решил старец. Когда капитан снова оглянулся на чудного старика, то с немалым удивлением увидел, как этот тощий сухарь тащит к нему длинный ящик, сильно смахивающий на гроб.

– Это что?

– Пассажирка, – ответил старик, утирая пот со лба.

– Отец, – сурово сказал Бреннон, – не смешно уже.

– Это не шутка! Сэр! – взмолился старик. – Я заплачу... только никаких накладных написать не смогу...

– Да почему же, черт подери?!

– Потому что вы должны будете выбросить ее за борт, когда пройдете до середины моря Дессен.

Когда капитан достаточно пришел в себя для внятного ответа, двуличный старец подволок ящик почти к самым ногам Бреннона. Ящичек был, к слову, весьма внушительен: шесть футов в длину и три в высоту. На темном дереве мягко светились головки гвоздей – то ли посеребренные, то ли на самом деле серебряные.

– И что, она там? – наконец спросил Кеннет. Старик кивнул. – А похоронить не пробовали?

Старик помотал бородой. Бреннон пристально смотрел на него, выискивая признаки помешательства. Мелькнула

мысль насчет портовой полиции. Правда, быстро исчезла – в тюках с шерстью в трюме «Аберрейн» были контрабандные ружья, пули и порох для подполья.

– Нет, – сказал капитан. В глазах старика появилось отчаяние.

– Прошу вас... там моя жена...

– Жена?!

– Покойная, – торопливо добавил старик, осеняя себя крестным знамением. Кеннет моргнул. Происходящее уже совсем вышло за рамки здравого смысла.

– Я не могу понять, чего вы от меня хотите?

– Похороните ее, – прошептал старик. – Она так хотела, чтобы ее похоронили в море...

Бреннон устало провел рукой по лбу.

– Отец, у меня не похоронная контора, и...

– Но, сэр, прошу вас! Я заплачу! Я не могу... это было ее последнее желание... разве я могу...

Капитан присел на корточки, чтобы лучше рассмотреть ящик. Добротный, хорошо заколоченный гроб не из дешевых. На крышке вырезано распятие. Все как полагается. Смущали только гвозди. Бреннон провел пальцем по головке ближайшего гвоздя.

– Серебро?

– Да.

– Зачем?

– Сэр, это ведь для моей жены. Чтобы красиво.

Капитан поднялся.

– Сколько?

– Сто тридцать шесть крон золотом, – застенчиво пробор-мotal старик, снова протягивая ему кошель.

– У меня на борту есть священник. Пассажир. Придется заплатить...

– О, не волнуйтесь, сэр. Все необходимое уже сделано, осталось лишь предать... ее... – Голос старца дрогнул.

– Ну ладно. Предадим в лучшем виде, – хмыкнул Бреннон, взвесив в ладони кошелек. Осталось пересчитать деньги и затащить ящик – тьфу, гроб! – в трюм ночью, когда пассажиры разбредутся по каютам. Кеннет понимал, что наличие в трюме гроба едва ли их осчастливит. Меньше знают – крепче спят.

В каюту Кеннета заскреблись, когда он заполнял судовой журнал.

– Чего надо? – отозвался Бреннон, досадуя на фонарь, со скрипом качающийся в такт движению «Аберрейн». Надо бы привинтить лампу к столу.

– Санкт-Себастьян прошли, – отозвался Ян из-за двери. – Просили напомнить.

Капитан отложил карандаш и бросил взгляд в иллюминатор.

– Свистни сюда Фрэнка и Дрейка.

– Хорошо, кэп.

Кеннет задумчиво потер щетинистую щеку. Гвозди – вот что не давало ему покоя. Зачем заколачивать гроб любимой жены серебряными гвоздями? Оно красиво, конечно, кто же спорит, но...

«А ты, старушка, ничего не чувствуешь?»

«Аберрейн» сердито поскрипела переборками. Она вообще не жаловала покойников и к гробу в трюме отнеслась настороженно. Кеннет побарабанил пальцами по столу. Он чувствовал, что «Аберрейн» категорически не понравился этот груз, хотя, в общем, это личное дело каждого, как хоронить своих жен, но черт побери, гвозди-то зачем серебряные?!

Правда, можно вскрыть гроб. Все равно ведь потом за борт.

Бреннон поморщился. За тридцать шесть лет он повидал всякое. Но топить в море гроб с любимой женой? Капитан снова придвинул к себе журнал и вгрызся в сухарь, который остался от ужина. В Кеннете зрело желание вскрыть к чертям этот ящик, обнаружить труп и успокоиться. Тем более что пассажиры – в основном люди тихие, из небогатых, – с наступлением темноты забились в каюты, никто не помешает. До Шеллингхерста еще двое суток в пути, но чем раньше они разберутся с гробом, тем лучше.

В дверь снова стукнули.

– Фрэнк, Дрейк? Вы, что ли?

– Да, сэр, – раздался снаружи блеющий дискант Фрэнка. С

таким тембром парню впору поступать в хор кастратов. Визг пилы и то был ниже тоном. И куда мелодичней!

– Заходите.

Оба матроса были родом с риадского юга: рыжие, невысокие, коренастые, крепко сбитые – так и казалось, что их в Южной Риаде попросту штампуют по одному образцу. Но даже эти крепыши с трудом заволокли ящик в трюм. Покойница, видимо, была не из хрупких; тем больше удивляло то, что старик допер гроб до корабля в одиночку.

– Гроб помним? – коротко осведомился капитан. Матросы захмыкали и переглянулись.

– А то как же, сэр, – отозвался Дрейк. Обычно моряки из суеверия старались не говорить на борту «покойник» и «похороны», но Бреннон суеверий не одобрял и ценителей подобных традиций в команду не брал.

– Вот и отлично. Возьмите и отправьте за борт.

– Это как бы похоронить, что ли? – уточнил Дрейк. Бреннон кивнул. – А попа надо звать?

Кеннет на секунду задумался. Старик уверял, что отпел жену по всем правилам; у капитана не было повода ему не верить. Раз уж серебряных гвоздей на жену не жалко...

– Звать не надо, – решил Бреннон. – Вытащите его из трюма, а проводить я сам выйду.

– Лады, сэр. Я к вам стукну, когда вытащим.

– Отлично.

Матросы ушли; Кеннет вновь хмуро уткнулся в журнал,

сунул в рот сухарь (судя по его твердости, изготовленный еще до спуска «Аберрейн» на воду) и взялся за карандаш. Однако мысли Бреннона блуждали далеко от координат и сводок погоды. Что-то не давало ему покоя, помимо возмущения «Аберрейн», но вот что?

– Во дают, – заметил Фрэнк, склоняясь над гробом и светя на него фонарем. – Видал? Гвозди-то серебряные!

Дрейк удивленно взглянул на приятеля:

– Правда, что ли? Да брось. Кто станет гроб серебром заколачивать?

– Зажрались, – фыркнул моряк и провел пальцем по головке гвоздя, потом протер ее рукавом. Серебро нежно мерцало в свете фонаря. – Нет, точно – серебряные, как из ювелирной лавки.

Дрейк оставил веревку, которую разматывал с тем, чтоб накинуть на гроб и вытащить его из трюма, склонился над плечом Фрэнка и покачал головой.

– Как только исхитрились? Оно же мягкое.

Фрэнк задумчиво огляделся по сторонам. В трюме, кроме них, никого не было. Багаж пассажиров и грузы сдвинуты к бортам и привязаны, но ящик капитан велел поставить ближе к лестнице, чтоб не далеко тащить.

– Слышь, Дрейк... а давай вытащим?

– Кого? Чего? – вздрогнул матрос.

– Гвозди. Смотри, чистое серебро, а покойнице оно без

надобности.

– С ума спрыгнул? Кэп за такое башку отгрызет.

– Да ладно тебе ныть, – сказал Фрэнк. – Кэпа тут нет, а крышку мы обычными гвоздями заколотим. Бабе-то этой уже все равно, а гвоздиков тут три дюжины. Никто не узнает.

– Кэп узнает, – убежденно произнес Дрейк. – Он всегда все узнаёт. Шею свернет как есть.

Фрэнк поежился. У кэпа был нелегкий характер. В гневе – особенно.

– Ворами ославит, – продолжал здравомыслящий Дрейк. – Ни одного контракта больше не подпишут. Оно тебе надо?

– Да кто ему скажет? Гроб заколотим, он и не заметит. Я гвозди поновее выберу, а так – он что, щупать их будет?

– Может, и будет, – с сомнением протянул Дрейк. Три дюжины гвоздей из серебра – это ж сколько в фунтах? Мысль казалась заманчивой... – Фрэнк, ну брось. Оставь ты эту покойницу. Может, ее мужик на эти гвозди последнее потратил. Кэп опять же...

Фрэнк посопел. Но ведь кэп и не узнает. Матрос вытащил из-за ремня нож и осторожно поддел лезвием первый гвоздь. Дрейк молчал. Фрэнк неторопливо поддегивал гвоздь вверх, раскачивая его потихоньку.

– Метнись-ка к Патрику, – сказал Фрэнк, вытащив первый гвоздь и принимаясь за второй. – Если не спит – спроси ящик с инструментом. Если спит – так возьми.

Дрейк вздохнул. Над своим ящиком корабельный плот-

ник тряся больше, чем скряга над мешком с деньгами, но в такое время Патрик обычно спит...

Когда Дрейк вернулся в трюм вместе с плотничьим ящиком, то Фрэнк уже вытащил с десяток гвоздей. Дрейк перевел дух – кэп, обозленный тем, что они долго возятся, вполне мог явиться в трюм самолично и самолично же содрать с них шкуру. Однако им пока везло. Дрейк поставил ящик около гроба и принялся выбирать самые новые, блестящие гвозди – в темноте на пару минут сойдут за серебро. Фрэнк выудил из ящика щипцы и задумался. Не попортят ли они добычу? В тишине трюма вдруг раздался глухой стук, похожий на одиночный удар сердца.

– Это чего? – Дрейк удивленно поднял голову. – Неужели багаж плохо привязали?

Фрэнк с досадой выругался: еще только этого не хватало! Упаси бог что-нибудь в сундуке побьется – ор будет на весь порт. Была у них одна такая, везла морем пять семейных сервизов на двенадцать персон, а у одной чашки откололась ручка...

Глухой удар. Дрейк замер.

– Фрэнк, – сказал он, – это из гроба.

Удар повторился, но теперь за ним последовал слабый треск, похожий на треск скорлупы. Гроб слабо вздрогнул. Чуть качнулся стоящий на крышке фонарь.

– Что за черт? – прошептал Фрэнк. Дрейк попятился от ящика: что-то ему это не нравилось. Он задумался, и спустя

пару секунд его мозг родил мысль:

– Может, скажем кэпу?

– Совсем сдурел? – Фрэнк нервно облизнул губы и занес щипцы. – Нет, теперь уж надо...

Крышка гроба чуть приподнялась, и матросы услышали что-то вроде слабого вздоха.

– Там что, живой? – прошептал Дрейк. Моряки попятились к лестнице на палубу, когда следующий удар довершил начатое Фрэнком. Крышка бесшумно сдвинулась в сторону. На бортик ящика легли тонкие белые пальцы.

Через полчаса Кеннет покончил с журналом и сухарем, откинулся на спинку стула, вытянул длинные ноги и мрачно уставился в стену. Даже без негодования «Аберрейн» гроб в трюме не добавлял радости и спокойствия. Одно дело – везти усопшего для того, чтобы похоронить в земле предков, а другое – тайком, в ночи, утопить в море. Бреннон достал из кармана кошель. Деньги были настоящие, без обмана, и, чего уж тут скрывать, сумма приятно грела душу. Больше ста тридцати крон за левое дело!

«И что тебе так не нравится?» – подумал Кеннет, но «Аберрейн» не ответила. Ладно, пора с этим разобраться – отправить покойницу за борт, и дело с концом. Но где, черт побери, запропали Фрэнк с Дрейком? За это время уже можно было перетаскать на палубу дюжину гробов! Капитан поднялся, и вдруг «Аберрейн» шумно вздохнула. Это уже бы-

ла не тревога, не возмущение, не отвращение морской девы к мертвечине на борту. Сердце Кеннета екнуло. С кораблем что-то случилось. Вернее – на корабле что-то случилось. Капитан ринулся вон из каюты, захватив револьвер.

На первый взгляд на палубе все было в порядке, но Бреннон чуял, куда его ведет «Аберрейн» – в трюм, к гробу. Бреннон отодвинул крышку трюмного люка и стал спускаться. Снизу сочился свет фонаря. Значит, эти двое еще там. Тогда почему не слышно ни звука, кроме скрипа переборок? Они там спят, что ли?

«Чертовы идиоты! – подумал капитан спустя минуту. – Недоношенные ублюдки! Я же велел им выбросить этот проклятый ящик за борт!»

И где они сами? Неужели удрали? По палубе раскатилась россыпь серебряных гвоздей. Чуть поодаль от гроба лежал перевернутый сундучок с инструментами плотника, на полу стоял фонарь. Бреннон подошел к гробу. Крышка его была чуть сдвинута. Капитан попытался приладить ее на место, но не смог. Кеннет рывком сдернул крышку. Его мертвые матросы лежали в гробу, нежно обнявшись, и запах крови витал над ними, как аромат дорогих духов.

Он сидел в каюте, машинально выщелкивал патроны из револьверного барабана, и они с мягким стуком падали на пол. Запах крови стоял в трюме его «Аберрейн», терпкий и острый. Даже здесь он преследовал Кеннета. Даже сейчас.

Он не помнил такого сильного запаха крови с тех пор, как спас морскую деву от сумасшедших религиозных фанатиков. Вот уже семь лет она была его верной спутницей – духом и сердцем его корабля.

И сейчас она шептала ему в скрипе снастей и переборок, что на борту появилась опасность – неведомая тварь, которую он из жадности допустил на корабль, не послушав предупреждений «Аберрейн».

Кеннет бросил револьвер на койку и запустил руки в волосы. Оступение начало проходить. У Дрейка где-то осталась мать, надо будет отдать ей долю сына за плавание, а у Фрэнка в Коллингшеме живут старик отец и сестра-вдовица... Вот два идиота! Какого черта они решили вскрыть гроб?!

«А какого черта ты взял сомнительный груз?» – тут же шепнула совесть. Проклятие! Знал же, что жадность до добра не доводит, казалось бы, еще семь лет назад должен был выучить урок, но нет!

Кеннет залил в глотку еще полстакана виски. На корабле появилось нечто, пьющее кровь. Восемнадцать человек команды, считая кока и самого капитана, десять пассажиров и целых два дня до Шеллингхерста. Две ночи. Оно успеет сожрать всех. Кеннет слышал о таком – обычные байки моряков в любом порту мира о кораблях-призраках, которые дрейфуют по морям без единой живой души на борту. Чертовски правдивые байки.

Хотя с чего бы ему в них не верить? Он вообще со своим

кораблем разговаривает – а тот еще и отвечает. «Аберрейн» вздохнула и поторопила его. Нужно было защитить пассажиров, изловить тварь и отправить ее за борт. Бреннон открыл рундук. Там лежали двуствольный дробби и старый парадный мундир офицера имперского флота. Мундир застегивался на круглые серебряные пуговицы.

Над «Аберрейн» покачивались большие алмазные звезды, за бортом слышался умиротворяющий шелест волн, а полковник Шрайбер ехал домой. На ночь глядя в салоне осталось совсем немного пассажиров: престарелый священник, который уместился под лампой и читал книгу, дама лет пятидесяти с дочкой, явно засидевшейся в девках, обе – длинные и тощие, как вязальные спицы, которыми мамаша орудовала с видом бывалого убийцы, некий хлыщ, мучающий кроссворд в газете, – и никого, с кем можно было бы скоротать вечерок. Полковник пригладил русые усы с проседью. Грузный, массивный, будто сейф, в черном мундире кайзерской гвардии, с бриллиантовым крестом Святого Георга на груди – Шрайбер казался себе лучом света в этом царстве обывательского мрака. Фыркнув, полковник решительно затопал к двери, распахнул ее – и взгляд его встретил обворожительную улыбку молодой дамы.

– Ох, герр! – воскликнула молодая женщина (хорошенькая, наметанным глазом определил Шрайбер). – Не могли бы вы мне помочь?

– Конечно, фройлен. С великой радостью!

Улыбка стала застенчивой.

– Я не могу уснуть, а пробка в бутылочке со снотворным слишком тугая, мне ее не вытащить.

– О, фройлен! Конечно! Где бутылочка?

Прошло несколько минут после того, как полковник устремился на помощь фройлен. Юный хлыщ, сосланный отцом в провинцию за неумеренное мотовство, сполз в кресле, прикрылся газетой и похрапывал. Мать и дочь взирали на него с алчностью голодных хищниц. Священник читал. Когда дверь салона распахнулась, ударившись об стенку, все пассажиры дружно подпрыгнули. Возникшая на пороге фигура капитана отчего-то не внушила им спокойствия.

– Так, – изрек Бреннон, словно щелкнул зубами волк. – Эти здесь. Отлично. Надеюсь, вы не собираетесь покидать салон?

– А что? – вскинулся столичный юноша. – А почему?

– Потому, – емко ответил Кеннет. – В силу непреодолимых обстоятельств вам придется провести ночь здесь.

Он пересек салон и запер вторую дверь, выходящую на правый борт. Потом закрыл ставни иллюминаторов. Запер и их.

– Что вы делаете? – возмущенно спросила матушка.

– Везу вас в Шеннингхерст, – огрызнулся капитан, хлопывая за собой дверь. Послышался щелчок замка.

Кеннет знал, что по выходе из заточения пассажиры его

съедают, но охранять стадо проще, когда оно сбилось в кучу, а не разбрелось по всей лужайке. Редкий пастух проявлял такую бешеную активность, как капитан Бреннон, рыская по «Аберрейн» в поисках пассажиров. Поэта, едущего за вдохновением, он отловил на баке – несчастный кретин строил стишки, глядя на звезды. Старик-ученый «дышал свежим воздухом» на корме. Пара молодых медиков прилежно надиралась в своей каюте, явно намереваясь заспиртовать свои внутренности. И только молодая веснушчатая учительница спала, благоразумно запершись в каюте изнутри.

Наконец, собрав пассажиров в салоне, капитан утер лоб и окинул скептическим взглядом результат своих трудов. Девять пассажиров набились в салон, как сельди в бочку, и молча, кто сердито, кто недоуменно, смотрели на Бреннона. И все равно, как подсказывала «Аберрейн», кого-то не хватало.

– Все здесь? – спросил Кеннет. Ученый поправил пенсне и обвел салон взором естествоиспытателя.

– Кажется, отсутствует этот шумный солдафон, полковник, как его...

Глухо выругавшись, Бреннон пулей вылетел за дверь.

– Эй, герр полковник! Э-э-эй! – позвал капитан, далеко не уверенный в том, что теперь безопасно орать в ночи. Черт знает кто отзовется. – Эй, герр полковник!

– Да здесь я... – ворчливо донеслось в ответ, и из тени вынырнула массивная фигура Шрайбера. – Совершаю моцион

перед сном. В чем дело?

– Все пассажиры должны находиться в салоне, – холодно ответил Кеннет.

– Почему?

– Потому что так безопаснее. Вас может смыть за борт.

– Опять эта душная кладовка, – проворчал Шрайбер и ко-солапо побрел за капитаном. Бреннон скосил глаза на полковника. Как там говорят – «от сердца отлегло»? Что-то не чувствуется. А должно бы – пассажир жив-здоров. Да и «Аберрейн» как-то насторожилась. Перед дверью в салон капитан пропустил Шрайбера вперед и вдруг замер. Померещилось или это снова – едва уловимый запах крови?

– Ну что, так и будем стоять? – сердито буркнул полковник, и рука Кеннета легла ему на плечо.

– Сэр... то есть герр...

– Какого черта?! – рявкнул Шрайбер, когда Бреннон наклонился к нему и обнюхал шею. Полковник сердито рванулся, но капитан успел оттянуть пальцем воротник-стойку и в свете фонаря перед дверью увидел на шее герра пару темных точек.

Капитан даже не успел понять толком, что это значит, как глаза Шрайбера почернели и он бросился на Бреннона. Кеннет отскочил, а старушка «Аберрейн» не подвела – палуба качнулась, он устоял, привычно спружинив на ногах, полковник же кубарем укатился к фальшборту.

Бреннон не хотел его убивать, дробби оказался в руке сам

собой. Капитан рассчитывал оглушить пассажира чем потяжелее, связать и запереть в его каюте до прибытия в порт, но теперь сомневался, что его можно выпускать к другим людям. Шрайбер зашевелился, пугающе молча; Бреннон подумал, что силищи у такой туши должно быть немерено, и в этот миг ощутил... присутствие. Холодный ветерок по затылку, слабый запах крови и тления, нечто, мелькнувшее на грани видимости...

Полковник поднялся и с неожиданной прытью кинулся на Кеннета. Бреннон уклонился от широко раскрытых «объятий» и пнул противника в голень, а затем врезал прикладом в челюсть. Шрайбер без единого крика упал на палубу, а оно метнулось снова, справа – и за спину, Бреннон круто развернулся следом за ним и вслепую спустил курок. Над «Аберрейн» пронесся пронзительный крик, и оно исчезло.

Капитан опустил глаза. Чуть дальше, около фок-мачты, темнело пятно. «Аберрейн» протестующе застонала, и Бреннон с разворота двинул полковнику кулаком по физиономии. Шрайбер рухнул как подкошенный, и Кеннет навалился на него всем весом. Дробби пришлось выпустить из рук, чтобы связать полковника его же кушаком. Бреннон обмотал его ноги шнуром с мундира и заткнул Шрайберу рот платком. Затем Бреннон подобрал дробби, снял фонарь с крюка над дверью и подошел к пятну крови. Оно было темно-пурпурным, матово-блестящим и напоминало стекло.

«Проклятие!»

Теперь этой твари снова придется подкрепиться, хотя она и так ни в чем себе не отказывает.

«Здоровый аппетит, мать твою!» – злобно подумал капитан. Пять человек заперлись в кубрике, десятеро – в трюме, девятерых Бреннон охранял, как сторожевой пес. Кеннет обернулся к полковнику. Десятый, хрипло дыша, пытался прожевать кляп. Есть ли теперь смысл беречь полковника? Раз уж его один раз укусили... Кеннет нахмурился, припоминая деревенские байки о дирдайле – прекрасных бледных дамах, которые подкреплялись кровью своих кавалеров.

Что, если полковник сейчас превратится в такую же кровососущую тварь? Капитан потер подбородок. Если бы люди становились упырями с одного укуса, то в мире уже прошло бы не было бы от вурдалаков. А этот здоровяк явно страдает полнокровием, и небольшое кровопускание... Неужто, чтобы довести девятерых, придется скормить твари десятого? А почему нет? Правда, чутье подсказывало капитану, что кровосос с такими аппетитами едва ли ограничится одним полковником, пусть даже и столь крупным.

«Может, если сунуть этой падали наживку, то она клюнет, и тогда...»

Но что тогда? «Аберрейн» может лишь помогать ему, все остальное придется делать самостоятельно. Бреннон взглянул на полковника – его глаза были пугающе пустыми.

– Нет, это просто неслыханно! – кудахтала фрау Лид-

манн, обмахивая дочь платочком. – Какое хамство! Какая грубость! Я сделаю все, чтобы у этого животного отозвали капитанский патент!

Старик-ученый поправил пенсне. Молодая учительница зевнула и закуталась в шаль.

– А что случилось-то? – спросил столичный юноша. Медики тихонько квасили в уголке салона, не отвлекаясь на мелочи жизни.

– Мне кажется, на борту оказался преступник. Опасный, – сказал старичок. Женщины замерли.

– Преступник? – Голос фройлен Лидманн взвился к верхнему «си».

– О боже, – сказала учительница. – Как хорошо, что капитан нас разбудил! Нас могли бы перерезать в каютах по одному! Герр, вы думаете, капитан его поймает?

– Нам нужно надеяться, фройлен, – сказал ученый.

– Неужели это герр полковник? – покачала головой фрау Лидманн. – А с виду такой приличный человек! С крестом Георга!

– Мошенников полно, – покровительственным тоном ответил молодой человек из столицы. – Этих крестов из стекляшек вам любой понаделает. Полковник, кстати, единственный отсутствующий.

– Я слышала, что его попросили помочь с бутылочкой снотворного, – сказала фройлен Лидманн. – Женским голосом. – И она обвиняюще уставилась на рыжую учительницу.

Девушка покраснела от возмущения.

– Я прекрасно сплю и никогда не пользуюсь снотворным!

– Это вы так говорите, – презрительно возразила мать старой девы. – Откуда мы знаем, что вы не лжете? Опоили, сняли брильянтовый крест и спрятали... где-нибудь. Наверное, и сообщника привели.

– Я всегда ложусь ровно в десять! И к тому времени, когда полковник вас оставил, уже наверняка спала!

– Это все слова, причем ваши и никем не подтвержденные, – фыркнула фрау и замкнулась в гордом молчании. Учительница, не находя достойного ответа, комкала шаль. Мужчины благоразумно помалкивали. В наступившей тишине раздался робкий голос поэта:

– А что происходит?

Пояснить, что происходит, немедленно решили все. Больше всех старались мать и дочь, глубоко оскорбленные тем, что оказались «в обществе воров, убийц, пиратов и неотесанных мужланов».

Поэт доверчиво переводил взгляд с одного пассажира на другого. Гвалт достиг наивысшего эмоционального накала, и тогда старый ученый, выхватив у священника книгу, с размаху грохнул ею о стол. От неожиданности пассажиры утихли. Ученый перевел дух. Испытанный способ уgomонить студентов на лекции не подвел и тут.

– Господа. Дамы. В конце концов, если капитан запер нас в салоне, то, значит, у него была на это веская причина.

– Конечно, – желчно отозвалась фрау Лидманн. – Думаю, наш багаж – вполне достаточная причина.

Старичок утомленно вздохнул.

– Фрау... простите, не имею чести быть представленным... будьте же последовательны. Поскольку наш багаж находится в трюме, то мы в любом случае никак не сможем повлиять на его судьбу. И кроме того, если вы обвиняете в воровстве эту фройлен, совершенно, кстати, напрасно, то какой же тогда смысл обвинять еще и капитана?

– Почему это напрасно? – надменно осведомилась фройлен Лидманн. – Я сама все прекрасно слышала! Она подкараулила полковника у двери и заманила к себе. Бутылочка у нее, видите ли!

Рыжеволосая учительница покраснела от обиды и уже открыла рот, как старичок хладнокровно заметил:

– Сначала вы сказали, что слышали просто женский голос.

– Да, – едко отозвалась старая дева. – Вы же не будете утверждать, что это был мой собственный голос? Кроме меня и матушки здесь только одна, с позволения сказать, женщина – вот эта особа.

Учительница вскочила.

– Фройлен!

– Но даже если вы воровка, то это ни в коей мере не оправдывает капитана. Риадский пират!

– Послушайте! – вмешался столичный отрок – ему показалось, что учительница сейчас заплачет, а он смертельно бо-

ялся женских слез. – Когда полковник вышел, было почти полдвенадцатого, а если фройлен говорит, что спала...

– Дело не в том, что фройлен говорит, – сказал старичок. – Двери ее каюты выходят на корму, где я находился почти с десяти и до тех пор, пока капитан не привел меня в салон. Уверяю вас, после того как в десять фройлен погасила свет и заперлась изнутри, дверь ее каюты не открывалась.

– То есть вы хотите сказать, – застенчиво спросил священник, деликатно вернув себе книгу, – что на корабле есть еще одна женщина?

Пассажиры примолкли. На бриге было девять кают – одна капитанская и восемь пассажирских. Все пассажирские каюты были заняты, оставалось предположить...

Ночное небо потемнело до странного, чернильного цвета. Капитан, присев на корточки у двери в салон, заряжал дробби. На парадном мундире старшего лейтенанта Дейрского флота ее величества было двенадцать серебряных пуговиц. Две он уже использовал.

«Приятно ощущать себя спасителем человечества», – кисло подумал Кеннет. Надвигалась гроза, старушка «Аберрейн» предостерегающе поскрипывала такелажем. Бреннон выпрямился и взглянул на небо. Качка ослабела, но затишье перед грозой будет недолгим. Нет ничего гаже, чем ловить кровососа на мокрой палубе под дождем. Особенно печалило то, что никаких гроз в это время года Дессен не знал. Бриг

вдруг содрогнулся, захлопали паруса, и надсадно заскрипели мачты. «Аберрейн» жалобно застонала.

Бреннон стиснул зубы: при надвигающейся грозе и поставленных парусах бриг рискует переломать мачты, но выпустить команду на палубу – это все равно что сервировать шикарный обеденный стол. Кеннет взглянул на полковника Шрайбера – тот лежал на палубе и тяжело, сипло дышал. Капитан понятия не имел, как далеко все зашло. Он неуверенно оглянулся на салон: возможно, его всего лишь пытаются увести прочь от беззащитных пассажиров.

Стон «Аберрейн» почти перешел в крик, и Кеннет понял, куда надо бежать. Он бросился к штурвалу и выругался: штурвал крутило, «Аберрейн» возмущенно скрежетала. Ее заставляли забирать круче к ветру, ведя в открытое море. Если две ночи пути до Шеллингхерста еще оставляли пассажирам и матросам шанс уцелеть, то в открытом море, в грозу, капитан не сможет спасти никого.

Кеннет пальнул в воздух над штурвалом. Ввысь унеслось что-то темное и скрылось в парусах. Бреннон, стараясь не думать, что оно может прыгнуть сверху, взялся за штурвал. Бриг гулко вздохнул. Капитану никто не помешал – это была всего лишь уловка, чтобы убрать его от салона. Или гнусных тварей было две... Нет, тогда бы он уже был трупом. Но насколько разумны кровопийцы? В легендах говорилось об их умении насылать туман, безумие и управлять погодой, однако способны ли дирдайле на стратегическое планирование?

Капитан выровнял курс, направился к дверям салона и замер в нескольких шагах от цели – оно сидело над расплавленным по палубе телом полковника. Черное и серое, что-то сторбленное, но отдаленно напоминающее человека. Кеннет рванул дробби из-за пояса, но оно почуяло движение и ринулось прочь. Две серебряные пули рассекли ночь, на палубу упало несколько пурпурных капель, слабый стон растаял в парусах, гулко грохнуло в темном небе, и брызнул дождь. Бреннон опустился на колено перед телом полковника. Шрайбер был смертельно бледен, но еще дышал. По его щеке за воротник стекала струйка крови.

Дверь снова распахнулась, и в салон, пошатываясь под тяжестью Шрайбера, ввалился капитан Бреннон. На них изумленно воззрились все бодрствующие пассажиры.

– Врачей сюда! – сипло гаркнул Кеннет. – Тут кровопотеря... А, ну их к черту!

Молодые медики уже сладко спали, и едва ли их покой потревожил бы даже бортовой залп. Бреннон свалил полковника на диванчик, поспешно освобожденный поэтом, и обернулся к пожилому ученому:

– Эй, герр... как вас...

– Конрад Левин, – представился старичок.

– Герр Левин, вы же ученый!

– Милый юноша, – после короткой паузы сказал Левин, – я энтомолог. Могу оказать моральную поддержку.

– Позвольте мне. – Рыжая учительница поднялась и сбросила на кресло шаль. – Я знаю основы первой помощи. Что с ним?

– Потерял много крови.

Девушка опустилась на колени перед Шрайбером.

– Но где же раны?

Кеннет оттянул воротник мундира и показал ей парные точки. Учительница коротко ахнула:

– Это... что это?

– Тише. Его укусили.

– О боже, н-но... как?

Бреннон в ответ пожал плечами.

– Ему нужна вода, он сильно обезвожен. И плед, чтобы укрыть... Я могла бы промыть и перевязать рану, обработать спиртом укусы, чтобы убить заразу, – сказала девушка.

Кеннет оценивающе покосился на медиков. Может, выжать их?

– Я принесу вам аптечку.

Он отошел к двери и, укрывшись в полутьме от пассажиров, выгреб из кармана пару серебряных пуговиц, привычным движением переломил обрез и зарядил. Уже собираясь запереть дверь, капитан обнаружил, что старичок-энтомолог просочился следом и проницательно поблескивает на него глазами за стеклышками пенсне.

– Вы рискуете, заряжая ваше оружие серебром.

– А вы – высовываясь из салона.

– На борту обнаружилось нечто, м-м-м... неучтенное?

– Дирдайле, – процедил Бреннон. – Сунули контрабандой.

Левин провел пальцами по усам и бородке.

– Увы, мне незнаком термин «дирдайле». Это плохо?

– Смотря для кого. Дирдайле, думаю, счастлив. Наконец-то он от души наестся!

Энтомолог в задумчивости посмотрел на Кеннета снизу вверх.

– Но вы имеете представление о том, что делать?

– Надеюсь, – проворчал капитан. – Нужно дотянуть до утра, они охотятся только в ночи.

– Почему?

– Говорят, солнечный свет их убивает.

– Говорят – это ненаучный аргумент, юноша. Значит, нам надо дожить до утра. Что с вашей командой?

Кеннет глухо вздохнул.

– Я велел им запереться в кубрике и никому не открывать до рассвета, даже мне.

– Но мне кажется, устраивать облаву одному – по меньшей мере неразумно...

– Неразумно совать мясо голодному волку. Чем больше народу эта тварь сожрет, тем сильнее станет.

– Это суеверие, лишённое научных доказательств.

– У меня нет лишних матросов, чтобы заняться проведением опытов, – сухо ответил Бреннон. Герр Левин поправил пенсне.

- Скажите, герр... то есть сэр, на корабле еще есть дамы?
- Дамы? – озадаченно нахмурился Кеннет.
- Ну да. Кроме тех трех, что сейчас находятся в салоне.
- Нет. Больше ни одной. А в чем дело?
- Фрау подозревает, что видела какую-то женщину.

Капитан задумчиво поскреб щетину. В общем-то, появление еще одной дамы вполне объяснимо. Левин побарабанил пальцами по двери.

– Пойду разбужу священника, – наконец сказал ученый и юркнул в салон. Кеннет запер за ним дверь. Мелкая водяная крупа превратилась в длинные косые струи дождя. Качка усилилась, и Бреннон поднял воротник. Он решил возить грузы и пассажиров, потому что это нетрудно, когда ответственность за их жизнь, здоровье и имущество не выходит за рамки контракта, а риски пассажиров описаны в пунктах четыре, шесть и восемь. Капитан должен довести, и не больше. Это то что нужно после службы на чертовом флоте ее величества.

Из-под двери салона выбивалась полоса теплого света. Он всегда считал, что ему все равно. Тот же груз, только разговаривающий, и если у кого-то морская болезнь – то это его проблемы. А капитан принял, отвез, выгрузил. Расписался в товарной накладной. Но не сейчас.

Кеннет не успел заметить, когда они перестали быть только пассажирами, оплатившими билет. Наверное, когда он поволок затянутую в мундир тушу в салон. Оказывается, для

этого достаточно нескольких минут – для понимания, что им не под силу защитить себя, и значит, защищать должен тот, кто может. Между ними и ночной тварью только его обрез с серебряными пуговицами. И это уже совсем другое дело.

Доктор Левин окинул салон долгим взглядом. Медики сладко похрапывали в углу, как студенты на лекции; рыжая учительница сосредоточенно считала полковнику Шрайберу пульс; мать и дочь с глубоким осуждением взирали на эту неприличную сцену; поэт, столичный отрок и пастор задремали. Ученый подошел к священнику и встряхнул его за плечо:

– Отец Андрес! Отец Андрес, проснитесь!

Пастырь вздрогнул и подскочил на диванчике.

– А? Что? Где? – сонно забормотал он, озираясь. – Уже приехали?

Левин вздохнул. Отец Андрес Шмидт был похож на упитанную полевую мышку – симпатичную и безобидную. Энтомолог предпочел бы кого-нибудь в духе святого Георгия с карающим мечом.

– Нет, отец. Нам необходимо духовное утешение. – Ученый указал на Шрайбера.

– Ох ты, святой боже! Сердце, да? – опечалился отец Андрес.

– Нет, до такого еще не дошло. Нам скорее нужен, э-э-э... совет лица просвещенного.

Маленький священник польщенно зарделся. Подобрал поношенную рясу, он направился к девушке, которая укутывала полковника пледом, живые черные глазки патера за сверкали от любопытства.

– Фройлен... простите, нас не представили... что с ним?

– Эльза Донстер, очень приятно, – машинально отозвалась учительница. – Я не знаю. Капитан сказал, большая кровопотеря из-за... – Девушка смешалась и закусила губу. – Вот. – Она оттянула воротник мундира.

Патер нагнулся пониже, чтоб разглядеть, да так и застыл кочергой.

– Вы знаете, что это? – с надеждой спросила Эльза. Священник тихо ойкнул, осенил себя крестным знаменем и хотел было отшатнуться, но наткнулся на энтомолога.

– Тише, – сказал Левин. – Не стоит сеять панику среди пассажиров.

Отец Андрес испуганно перевел взгляд с полковника на ученого и обратно.

– Но разве наши врачи...

– Бесполезные существа, – сурово отвечала рыжеволосая наставница молодежи. – Пьют и пьют! Я бы им и слона не доверила.

– Не будьте столь строги, – добродушно произнес Левин. – Когда пить, если не в молодости? Патер, скажите, с церковной точки зрения – полковнику можно чем-нибудь помочь?

Отец Андрес вздохнул и потер лысину.

– Я всего лишь приходской священник. Я не знаю. Я могу помолиться о здравии, но... – Он замялся. – Я видел такое, иногда прихожане ищут в церкви защиты от... от всякого, и я даже слышал про отцов-экзорцистов или тайно обученных инквизиторов – не видел, правда, ни одного. Может, если бы тут были святые дары, то я бы как-нибудь смог...

– Но вы можете что-нибудь сделать, если на нас нападет дирдайле? – спросил Левин.

– Кто?

– Капитан так называл это существо.

Маленький священник опасливо втянул голову в плечи.

– Я бы очень не хотел встречаться...

Эльза стукнула кулачком по спинке дивана.

– А вы не бойтесь! Вы делайте что-нибудь! Вы же священник! Вы не должны их бояться!

– Не бояться может наш капитан, – возразил отец Андрес. – Он человек бывалый и храбрый, чего только не видел. Ладно, я попробую помочь этому бедолаге. Не знаю даже, что подойдет... Во здравие, наверное.

Священник-мышка откашлялся, еще раз осенил себя крестом и тихонько, нараспев, начал читать молитву. Полковник Шрайбер шелохнулся на диване. Отец Андрес перекрестил болящего, и в этот миг могучая рука полковника метнулась вперед и вверх, стиснула сухонький кулачок патера, как в тисках.

– Одержимый! – взвизгнул отец Андрес. Эльза повисла на

руке Шрайбера, пытаясь разжать ему пальцы, Левин ринулся к креслам, в которых сладко посапывали поэт и столичный юноша, и парой звучных оплеух живо привел их в бодрствующее состояние.

– Читайте! – яростно заверещала учительница. – Читайте свои молитвы, не то хуже будет!

– Exorcizamus te, onmis immundus spiritus! – взвыл отец Андрес пронзительным фальцетом, передумав исцелять.

Могучий полковник приподнялся на диванчике вместе с девушкой. Из горла Шрайбера вырывался звериный рык, на губах запузырилась пена.

– Хватайте его за ноги! – гавкнул на молодежь Левин.

Поэт и столичный юноша кинулись на полковника. Щуплый стихотворец повис на его левой ноге, столичный юноша – на правой, энтомолог, который был на полторы головы ниже Эльзы, обеими руками вцепился в горло одержимого. Мать и дочь истошно завизжали, но даже это не смогло поднять на ноги молодых врачей – они спали сном праведников.

– ...in nomine et virtute Domini Nostri Jesu Christi! – надрывался отец Андрес, зажмурившись для храбрости.

Шрайбер извивался на диване, как рыба, выброшенная на берег. Если бы Эльза в конце концов не села ему на грудь, они бы его не удержали.

– Vade, satana, inventor et magister omnis fallaciae! – выкрикнул священник. Шрайбера свело судорогой так, что он выгнулся коромыслом, а потом всем весом рухнул на диван,

от чего у мебели подломилась ножка. Шрайбер обмяк, отец Андрес спас руку и, всхлипывая, прижал ее к груди. Фройлен Донстер сползла с полковника на пол, вытирая лоб рукавом, а герр Левин ощутил потребность в сердечных каплях. К счастью, они были у него в кармашке жилета. Пока энтмолог отмерял капли в стакан, в салоне царило затишье.

– Боже, благодарю тебя, – с чувством изрек ученый, осушив стакан.

– Что здесь произошло?! – завизжала фрау Лидманн.

– Да, в чем дело-то? – поддержал ее столичный модник, с огорчением оглядывая свой костюм. Поэт застыл столбом посреди салона: глаза молодого человека вдохновенно горели, губы шевелились.

– Отец Андрес провел небольшой показательный экзорцизм, – тоном лектора в аудитории сказал Левин. – Это приятно разнообразит наши воспоминания о путешествии. Фройлен Эльза, вам помочь?

Девушка покачала головой.

– Приятно?! – заверещала оскорбленная мать. – Боже, да я в жизни не путешествовала так мерзко! Этот пират напустил полный корабль каких-то отбросов и преступников, а мы...

– Фрау, – холодно ответил Левин. – У меня есть валерьянка.

Женщина задохнулась от возмущения.

– Господи боже, – вдруг хрипло сказал Шрайбер и сел, обхватив голову руками. – Что со мной? Ничего не помню...

Поэт выхватил из кармана блокнот и застрочил в нем со скоростью дятла. Учительница, энтомолог и священник озадаченно переглянулись.

– Вам стало плохо от качки, – осторожно ответила фройлен Донстер.

Полковник басовито фыркнул.

– Мне? От качки? Плохо? Ха! – И тут же, наморщив лоб, впал в задумчивость. Последние несколько часов попросту испарились из его памяти. Такого с ним прежде не бывало.

– Скажите, герр Шрайбер, – спросил Левин, – кто позвал вас, когда вы вышли из салона?

Полковник пригладил усы. Собственно, как он покинул салон – он помнил, но дальше... дальше...

– Говорят, вас увела какая-то дама, – с натужной игривостью заметил фат.

– Дама? – Шрайбер посмотрел на Эльзу, отрицательно покачал головой, покосился на мать и дочь, слабо вздрогнул. – Нет, эти не похожи. Но кто-то был, это я точно помню.

– Капитан считает, что на борт прокрался преступник, – поежился столичный красавец. – И поэтому запер нас в салоне.

– Черт по... простите, фройлен. Мои револьверы остались в каюте, – огорчился полковник.

– Мне кажется, там начинается шторм, – встревоженно добавила Эльза. – Как бы с капитаном чего-нибудь не случилось.

– Он моряк, шторма ему привычны. – Левин вздохнул. – Другое дело, что на палубе небезопасно...

Патер снова обменялся выразительным взглядом с девушкой и энтомологом. Полковник, чувствуя, что от него скрывают некие сведения, сурово насупился. И тут поэт, осененный сильнейшим приступом вдохновения, громко продекларировал:

– И дама, взор ее пылает и мрак небесный пронизает, уста горят, а крылья реют, но холод сердца не согреют!

Герр Левин, не обделенный чувством прекрасного, вздрогнул и поморгал. Современная поэзия нередко вводила его в ступор.

– Точно! – басом рявкнул Шрайбер, хлопнув себя по лбу. – И пылают, как сигнальный фонарь! Была тут такая!

В этот миг «Аберрейн» столь сильно дала крен на правый борт, что пассажиры покатались по полу, как горох.

Дождь шуршал по палубе «Аберрейн». Старушка усердно карабкалась на одну волну за другой, следуя заданным курсом. Кеннет знал, что она проведет корабль через любую бурю, убережет и бриг, и экипаж, и пассажиров от моря и ветра, но разобраться с последствиями своей жадности он должен сам. Как семь лет назад, когда он купился на щедрые посулы и обещания морских сокровищ. Тогда он смог одолеть безумных фанатиков и к рассвету вынес Аберрейн на руках к берегу моря. Она исцелила его раны и почему-то осталась.

«А сейчас до рассвета еще далеко», – подумал Бреннон. Он стоял перед салоном. Ему не нравилась эта качка, ему не нравился кисель вокруг, и больше всего не понравился слабый звук, который принес ему ветер. Сквозь скрип снастей капитан отчетливо разобрал тихий, довольный смех.

Хихикает, забери его дьявол!

Но разве дирдайле смеются? Легенды красочно живописали душераздирающий вой, жуткие крики и кровожадные хрипы. Смех, к тому же женский, там не упоминался.

Она соскользнула откуда-то сверху, из-под парусов, и опустилась на палубу в круг света от фонаря. Серая бархатная юбка без кринолина, белоснежные пышные рукава сорочки, черный тугой лиф – на нее не упало ни капли дождя. Волосы гладкие, как черный шелк, нежно-сиреневые, мерцающие глаза и лик, прекрасный, как с иконы старых мастеров. Кеннет сглотнул. Ему никогда, ни за что в жизни не пришлось бы в голову, что дирдайле так прекрасна.

– Забавно, – сказала она и сделала шагок к капитану. – Интересно, это глупость или бесстрашие?

Тонкие прохладные пальцы коснулись его щеки. Ее лицо светилось изнутри, словно жемчужина. От нее захватывало дух, как от короткой пронзительной мелодии, отрывка песни, принесенного ветром. Едва понимая, что делает, Кеннет взял ее руку и поднес к губам. Ее кожа оказалась нежной, будто пена на дорогом пиве. Бледно-розовые губы женщины тронула торжествующая улыбка, воздух вокруг слабо зазвез-

нел.

Однако «Аберрейн» была слишком ревнива, чтобы оставить это безнаказанным: такелажный блок со скрипом сорвался с места и кометой понесся вниз. Нежный звон разбился вдребезги, и дирдаyle взмыла ввысь, спасаясь от удара, блок просвистел перед носом Кеннета, стирая последние следы очарования. Капитан с благодарностью улыбнулся и украдкой утер лоб. Фух, чуть не пошел на закуску...

Женщина опустилаcь на перильца фальшборта, балансируя на них с ловкостью птицы. Ветер и дождь обтекали ее, будто вода – каменный риф.

– Что, еще не наелась? – неожиданно для самого себя спросил Кеннет.

– Я хочу жить, – ответила дирдаyle. – Почему ты мешаешь?

Бреннон поднял дробби. По губам дирдаyle пробежала снисходительная улыбка.

– Не бойся, моряк, я больше не буду никого выпивать до дна.

– Я боюсь только людей, – ответил Кеннет. – А ты – нелюдь. Чего тебя бояться?

Она удивилась и соскользнула с перил на палубу. «Аберрейн» угрожающе скрипнула.

– Любой из нас когда-то был человеком.

Бреннон снова пожал плечами:

– Считаю это поблажкой в честь того, что когда-то ты бы-

ла человеком. Если сама прыгнешь за борт, то стрелять не стану.

– Потрясающее милосердие, – усмехнулась дирдайле и чуть сощурилась на салон. – О! Они уже провели экзорцизм! Они не так беззащитны, как ты думаешь.

– Значит, упырем полковнику не стать. Так старалась – и все вхолостую...

– Упырем? Дурак. Я всего лишь сделала его своим вассалом. Кто он такой, чтобы предлагать ему бессмертие?

– А! Так это, оказывается, бессмертие! А я-то думал...

– Разве тебе не жаль умирающую от голода женщину? – спросила дирдайле, не рискуя, однако, приблизиться. Возьмут ли ее серебряные пули с такого расстояния? Или лучше в упор?

– Нет.

– Ты можешь напоить меня сам. Не бойся, я обещаю, что не буду пить до дна. Довези меня до города, и я уйду.

Кеннет потер подбородок.

– То есть предлагаешь отвезти тебя в Шеллингхерст, к людям, чтобы ты наконец как следует пообедала?

– Какое тебе до них дело? Ты спасешь своих пассажиров – об этом мы можем договориться?

– Нет, – ответил Бреннон и, вскинув дробби, выстрелил из обоих стволов. Дирдайле с криком боли и ярости метнулась прочь – вверх, в паруса. На палубе осталась пурпурная лужица.

Говорят, серебро – кровь ушедших богов, и потому оно сжигает плоть лишенных тени. Так в Риаве частенько называли всякую нежить и нечисть. Дирдайле была голодна и ранена, и ему не стоило покидать пост перед дверью салона. Тварь могла броситься в любой момент, и потому Кеннет поспешил перезарядить дробби. Дирдайле получила в грудь две серебряные пули – разве она сможет удержаться, когда жертва совсем рядом? Если не от голода, то из мести.

«Нужно стрелять ей в голову», – подумал капитан, и «Аберрейн» полностью одобрила эту мысль. Дождь превратился в ливень, заливающий палубу, в небе клубились черные тучи, видимость сжалась до прыгающего по палубе круга света от фонаря, который болтался на крюке у двери салона. Вдруг взвыл ветер.

Бреннон ощутил резкую смену курса за миг до того, как бриг швырнуло на правый борт. «Аберрейн» почти закричала, застонал такелаж, и беспомощно захлопали паруса. Кеннета влепило в правый борт так, что ребра захрустели. Он упал на четвереньки, хватая ртом воздух. По груди быстро разлилась жгучая боль.

Капитан поднялся, ухватившись за декоративные перильца фальшборта, нагнулся, чтобы не сдуло, и упрямо двинулся к салону. К счастью, оружие Кеннет не обронил, но хватит ли двух серебряных пуль в башку, чтобы уgomонить эту тварь? Сколько он уже в нее всадил... но крови она теперь

не получит, подкрепиться некем.

Вдруг над ухом Бреннона пронесся короткий ехидный смешок, и тут же его вздернуло в воздух, как кролика. Дирдайле швырнула Кеннета об палубу, и он отчетливо услышал хруст собственных ребер. Капитан перевернулся на спину, отполз с открытого пространства и, задыхаясь, уперся спиной в основание мачты. Дирдайле парила над штурвалом, на него капало пурпурным. Черные волосы, как облако, окутывали стройную фигуру. Женщина раскинула руки. Снова взвыл ветер, волна сцапала бриг огромной лапой и потащила его к темному небу. Нос «Аберрейн» задрался, паруса захлопали, и Бреннон представил, каково сейчас пассажирам в салоне.

– Ты не знаешь правил игры, моряк. – Голос дирдайле отдавался в ушах капитана, словно прибой. – Не пытайся состязаться со мной, все равно проиграешь...

– Ты ошибаешься, – сипло шепнул Бреннон. – Здесь мои правила.

На этот раз «Аберрейн» прицелилась поточнее, и такелажный блок врезался дирдайле точно в спину. Ее бросило на палубу, канаты и снасти опутали кровопийцу, как змеи. Однако кипящее вокруг море снова отвлекло «Аберрейн» – корабль понесся вниз, скатываясь с волны, как с горки. Кеннет съехал по палубе, навстречу дирдайле, которая с гневным рычанием разрывала снасти.

Бреннон врезался в дирдайле, когда она уже поднялась

на четвереньки, и они кубарем катились по палубе, пока не врезались в борт. Когти твари впились в бок капитана, над его лицом, как огни, загорелись сиреневые глаза, распахнулась пасть с длинными клыками. Пахло трупным зловонием, и Кеннет, не дожидаясь укуса, разрядил оба ствола дробби прямо в пасть твари.

Дирдайле откинулась назад, качнулась, словно нетвердо стояла на ногах, и полетела за борт. А вместе с ней рухнул в морскую пропасть и корабль.

Кеннет извернулся по-кошачьи, кинулся к мачте и вцепился в нее изо всех сил, стиснув зубы от боли в расходящихся ребрах. На палубу с силой молота, бьющего по наковальне, обрушился поток соленой воды. Но Бреннон не торопился на встречу с Господом и повис на мачте, как дейрский бульдог на шее волка.

Словно чья-то рука крепко прижала его к мачте, пока волна сползала с брига, утаскивая за собой все, что оказалось приколочено недостаточно крепко. К счастью, волна оказалась всего одна. Ветер вдруг угомонился, море, качнув бриг еще пару раз, стало успокаиваться, ливень сменился слабым дождем, а грозовые тучи расползлись, открыв глубокое синее небо с серпом луны и россыпью звезд.

Переведя дух и отплевавшись, Кеннет со второй попытки поднялся на ноги и привалился спиной к мачте. Сломанные ребра зверски болели, но легкие были целы. Он протер глаза и сощурился на бледную полоску луны. Сколько там еще до

рассвета?

А потом, сунув руку в карман, он понял, что потерял ключ от двери салона.

Дары и гнев Ледяного Короля

Риада, Блэкуит 23 декабря 1841 года

– Ах, полюбуйтесь на это милое дитя! – экзальтированно вскричала миссис О’Доннелл, зябко кутаясь в шаль и стараясь не стучать зубами от холода. – Оно прекрасно вписывается в нашу желтую гостиную, не так ли?

«Милое дитя» одиннадцати лет от роду взглянуло на нее так, словно хотело укусить. Любоваться предлагалось нежным, будто нарисованным, личиком, копной золотисто-рыжих кудрей и большими зелеными глазами.

– Какая прелесть! – единогласно решили гости. Изрядно потрепанное войной светское общество Блэкуита собралось на предрождественский прием в доме мэра. Гости мужественно игнорировали грохот снарядов, но то там, то тут струились шепотки о пушках Шермана и пехотных полках в красных мундирах империи.

– Ну что же вы, Макколей! – воскликнула миссис О’Доннелл, нервно дергая рукой с зажатым в ней оципанным веером. – Спойте, гости ждут!

– Этот прелестный мальчик – сын несчастной Эмили, – сообщила хозяйка вечера, как бы извиняясь за сестру, пав-

шую так низко.

Мэк Мэдиан исподлобья оглядел гостей, которые сейчас больше напоминали уличных бродяг, чем высший свет, и запел очередную патриотичную песню высоким «ангельским» голосом под бряцание рояля, последнего предмета роскоши, спасенного миссис О’Доннелл ценой мебели из комнат слуг, пущенной на растопку.

Очень хотелось есть. Взрослые все время рассуждали о каком-то Шермане, то называли его «гением артиллерии», то отпускали шутки о том, как имперский полководец подавился риадским орешком. Мэк не очень хорошо понимал, что Шерману понадобилось в Риаде. Мальчик знал только, что с тех пор, как началась война, жизнь становилась все хуже и хуже. С весны он ни разу не ел досыта, а миссис О’Доннелл стала еще чаще повторять, что они кормят его из милости, «от себя отрывая». Паренек никак не мог понять, что же она от себя оторвала ради него, но еда была отвратительна.

Желудок, дождавшись паузы перед последним куплетом, громко заурчал. Миссис О’Доннелл вздрогнула, клавиши немелодично брякнули.

– Макколей! – с отвращением сказала опекунша. – Как вам не стыдно!

– Но я хочу есть, – громко ответил Мэк. Общество возмущенно ахнуло. Все хотели есть, но говорить об этом вслух... фи, так неприлично!

– Вы вчера съели последнюю курицу, но мне не дали ни

кусочка, – зло добавил Мэк. Гости, забыв о патриотичном умилении, с подозрением уставились на хозяев. Откуда, интересно, у мэра целая курица, если жители Блэкуита не видели ни мяса, ни птицы с тех пор, как Шерман перекрыл все сухопутные подъезды к городу и регулярно обстреливал берега озера Уир?

– Молодой человек! – строго сказал мэр. – Ведите себя подобающе. Пока наши доблестные солдаты сражаются за нашу свободу...

– Вы сидите здесь на собранных чемоданах, – перебил его Мэдиан, пристально глядя на мэра. – Чтобы, если у солдат ничего не получится, сразу же дать деру подальше на юг?

Гости зашелестели, миссис О’Доннелл вцепилась в нюхательные соли, а мэр побагровел и ответил мальчишке затрепину:

– Придержи язык, шлюхино отродье!

Наступила опасная, предгрозовая тишина.

– Фрэнк! – вскипела миссис О’Доннелл. – Выбирай выражения! Ты говоришь о моей сестре!

– К черту твою сестру и ее проходимца! – рявкнул мэр. – Приютили змееныша на свою голову! Нужно было оставить его подыхать в той же канаве, что и твоя сестрица!

Гости заметно оживились – вечер становился интереснее с каждой секундой. Мэк попятился к двери, пользуясь тем, что на него никто не обращал внимания.

– Теперь еще и тащить эту тварь с собой, когда... – Мэр

запнулся: он наконец осознал, что говорит, и, видимо, никак не мог понять, что за странная сила заставила его сказать правду.

Высокий и сухощавый епископ, возвышающийся над толпой, как колокольня, вежливо поинтересовался:

– В самом деле, Фрэнсис, куда это вы собрались, когда наш город так нуждается в отважном лидере, а?

Под смешки гостей Мэк выскользнул из гостиной. Он был голоден, устал, а теперь у него болела голова.

«Не стоило тратить силы на Борова», – горестно подумал мальчик, направляясь к черной лестнице. Тем более что Мэку жилось получше сейчас, когда мэр отправил свое потомство далеко на юг Риады, подальше от сражений. Дети четы О’Доннелл допекали Мэка куда сильнее своих родителей. Отпрыски мэра были на диво изобретательны, поскольку знали, что Мэк горд, одинок и никогда не жалуется...

Мальчик фыркнул. Год назад что-то в нем вдруг изменилось, и троих сыновей мэра и их гадкую сестренку ждал неприятный сюрприз – Макколей вдруг стал давать отпор, хотя он сам никогда не мог предсказать, что именно у него получится. Забавнее всего было заставлять их говорить правду – но ему это не всегда удавалось. Взрослые упорно не верили «детским бредням», когда дети мэра жаловались на Мэдиана, – впрочем, виноватым все равно всегда считался Мэк, так что О’Доннелл решил отправить его в семинарию. Слишком часто из драк трое на одного его отпрыски стали

выходить с кучей синяков и ссадин.

Может, Мэка уже отправили бы учиться к святым отцам, но тут вдруг в Риате началась война, которую все взрослые называли почему-то «освободительной», – и всем стало не до семинарий.

Желудок испустил гневную трель. Мальчишка осторожно, стараясь не скрипеть ступеньками, спустился в кухню и приоткрыл дверь. Пэтси по-прежнему хлопотала на кухне, но война вылизала полки почти дочиста, оставив только хлеб и крупу. Муж Пэтси, старший лакей Джек Флинн, набивал трубку.

Вся остальная прислуга ушла, к вящему негодованию миссис О’Доннелл. Мужчин Мэк иногда видел то на баррикадах, то в дозорах, женщины трудились на уличных кухнях. Все ждали – мальчик не знал чего, но грохот пушек день ото дня становился все ближе.

Мэк шмыгнул в кухню. Пэтси устало улыбнулась и кивнула на лавку около очага. Мальчик взобрался на нее с ногами, Флинн накинул ему на плечи свой сюртук. Пэтси все время норовила подсунуть Мэку кусочки повкуснее, но сейчас единственным лакомством в ее владениях осталась четвертина сахарной головы. Кухарка отколола от нее ломтик и протянула мальчику с куском хлеба.

– Ну, что там наверху? – спросил Флинн.

– Собачатся с Боровом, – отозвался Мэк. – Господам не понравилось угощение – не привыкли к черному хлебу.

Флинн задумчиво посмотрел на красный след от руки мэра на щеке мальчишки.

– Язык бы тебе укоротить, пропащая ты душа, – проворчал лакей, приоткрыл окно под потолком и сгреб с подоконника горсть снега. Флинн завернул снег в платок и приложил к лицу Мэдиана.

– У меня не пропащая душа, – возразил Мэк. – Такая же, как у остальных.

– Послушать сорванцов О’Доннелл – так ты суший бес, – фыркнул Флинн. – Ну-ка, как ты так уделал старшего сынка?

– Это не я, – бестрепетно отозвался мальчик, хотя считал этот подвиг достойным особой награды. – Это его брат.

– Поди ж ты, а щенок говорит, это ты его науськал.

– Я?! – Мэк широко распахнул невинные глаза. – Да как бы мне удалось? Они все меня ненавидят!

Пэтси тихо вздохнула. Если бы Мэк мог – он бы проводил все время с ее сыновьями, которые научили его куче полезных и интересных вещей, но миссис О’Доннелл то и дело вспоминала, что Мэдиан – сын ее непутевой сестры, и сурово отчитывала за то, что он водится с детьми прислуги.

Сейчас старшие дети Флиннов были у баррикад, а младших увез на юг один из братьев Пэтси, Роб Бреннон. Миссис О’Доннелл почему-то не разрешила ему забрать Мэдиана, хотя в Блэкуите почти не осталось детей, так что на улицах было пусто и тоскливо. Разве что просто так пойти прогуляться, посмотреть на баррикады и перехватить на улич-

ных кухнях горячей каши? Мэк дожевал хлеб с сахаром и сполз с лавки.

– Спасибо, тетушка Пэтси, – церемонно сказал он. – Вы были очень добры к бедному сиротке.

– Иди отсюда, бедный сиротка, – добродушно отозвалась Пэтси, – пока хозяева не хватились.

Мэк прикусил губу. Боров непременно ему всыплет за сегодняшнее, а на взрослых свои способности мальчик попробовал впервые этим вечером и сам не ждал, что у него что-то получится. А вдруг второй раз не сработает?

– Я пойду прогуляюсь, тетушка. Передать что-нибудь Остину и Филу, если встречу?

– Прогуляться? – встревожилась Пэтси и подняла голову к потолку, словно надеялась расслышать сквозь три этажа грохот шермановских пушек. – Уж лучше сиди тут. Мало ли что будет... сегодня или завтра.

Мэдиан не очень понимал, что их всех так тревожит. Что может быть хуже того, что сейчас, – голода и холода?

– Не хочу попадаться Борову на глаза, – неохотно признался мальчик. – Ему не понравилось, что я сказал про курицу при гостях.

– Научись держать язык за зубами, парень, – буркнул Флинн и сунул ему ключ. – Это тебе в жизни поможет. Ладно, иди в нашу комнату, отсидись там. Глядишь, к утру хозяин остынет.

Мальчик отдал лакею сюртук, вышел из кухни и прижался

ухом к двери.

– Чертова свинья, – чуть приглушенно донесся до него голос лакея. – Мог бы отправить парнишку хотя бы с твоим Робом.

– Джек, – строго сказала Пэтси, – твои мечты насчет Мэка и нашей Элли...

– Да при чем тут мечты?! Парню всего одиннадцать, перегорит десять раз! На нас тут ядра из пушек посыплются не сегодня, так завтра, нечего ребенку тут делать!

– Слава богу, что бедная мисс Эмили до такого не дожидала, – пробормотала Пэтси.

– Слушай, Пэтс, я тут подумал чего... может, я его сам увезу?

Мэк чуть не подпрыгнул от неожиданности.

– Увезешь? Куда, о господи?!

– Да хоть к моим, хоть к твоим.

– С ума сошел? Скажут, что ты украд хозяйского ребенка!

– Плевать им на него с высокой башни. Да и кто скажет, кому тут сейчас есть до этого дело? Эх, жаль, лошадей всех забрали, а то я б за день обернулся. Скажи-ка, – помолчав, спросил Флинн, – а твой Натан, который в ополчении, он же может похлопотать насчет лошади?

– Натан не станет помогать тебе в похищении ребенка, – сухо сказала Пэтси.

«Да почему же?! – возмущенно подумал Мэк. – Я сам хочу похититься, почему они меня не спросят?»

– Но надо же что-то делать, – гнул свое Флинн. – Он славный парнишка, хоть и со странностями, но я никогда не видел, чтобы он сделал кому-то что-то дурное без причины.

– Джек! – прикрикнула Пэтси.

– А что, скажешь, папаша его не был странным?

Мэк практически распластался всем телом по двери. Папа! Почему они все так стараются не говорить о нем?!

– Странный или нет – не нашего с тобой ума дело, – отрезала кухарка. – Вот что: я сегодня отпросилась на вечер и ночь, чтобы пойти к Шериданам...

– Я-то его видел, – продолжал лакей, не обращая внимания на попытки жены сменить тему, – пусть и издалека, а кто этого типа хоть раз видел вблизи, а? А?

– К Шериданам, – с ноткой угрозы повторила Пэтси. – У Марты срок уже совсем близко, так что, может, она обрзумилась и все-таки поедет в деревню к Беннету. Глядишь, уговорю ее взять мальчика с собой, то есть ее муж уговорит Боро... О’Доннеллов.

– Джозеф Шеридан тут не особо в чести, – проворчал Флинн, к огромному разочарованию Мэка. – После того как женился, считай, что на одной из наших. Да и Марта твоя хороша – чего она тут сидит, в ее-то положении.

– Марта всегда была упряма, как ослица, – фыркнула Пэтси. – Я ей говорю – родишь прямо под баррикадой! А она...

Мэдиан расстроено отошел от двери. Вечно взрослые обсуждают всякую ерунду! Нет бы поговорить о чем-то дей-

ствительно интересном, пока их никто не слышит! Хуже нет, когда загадка есть, а отгадку поди найди.

Мэк никогда не видел отца и почти ничего о нем не слышал. Он и маму едва помнил – как говорила ему тетка, миссис О’Доннелл, мэр с женой забрали его, когда ему было три. Мать осталась в его памяти размытым прекрасным образом – похожая на фею с картинок в детских книжках, которые доставались ему изрядно потрепанными после детей О’Доннеллов.

Мальчик поднялся на третий этаж, чтобы надеть куртку и ботинки. Сидеть дома скучно, да и голодно. А если пойти к баррикадам, где дежурят Остин и Фил, то, может быть, они поделятся супом или пирогом с уличных кухонь. Да и вообще, чем позже он вернется, тем меньше шансов наскочить на Борова или миссис О’Доннелл.

Мэк уже заматывался в шарф, как вдруг дверь каморки распахнулась и на пороге возник Боров. Мальчишка отпрянул к кровати и съежился. Наступил час расплаты за дерзость. Но почему так быстро?!

– Проси прощения, дрянь! – гавкнул Боров, потрясая ремнем.

Мэк сглотнул и попятился вдоль кровати. Вдруг удастся прошмыгнуть у Борова под мышкой! Но каморка была слишком мала, и едва Мэдиан отступил от кровати, как оказался в опасной близости от мэра. О’Доннелл сгреб мальчишку за волосы и протянул ремнем вдоль спины:

– Проси прощения, ублюдок!

Мэк пронзительно вскрикнул, извернулся в крепкой хватке мэра и уставился ему в лицо. О’Доннелл замер, его зрачки расширились, и следующий удар он нанес себе по физиономии.

Издав вопль, похожий на рев разъяренного быка, мэр выпустил Мэдиана и еще раз врезал себе ремнем по лицу. Из разбитого носа и губ на рубашку мэра хлынула кровь. Свирепо, но неразборчиво мыча, Боров надвинулся на Мэка, но тот опрокинул ему под ноги стул и опрометью выскочил из комнатки. Виски снова запульсировали от боли, голова закружилась, однако мальчик, не обращая на это внимания, ринулся вниз по лестнице, домчался до парадной двери и был таков.

Мэк смог остановиться, только когда добежал до конца Бернтал-роуд. Он уперся руками в колени, тяжело переводя дух и хватая ртом морозный воздух. Впереди высились ажурные кованые ворота, ведущие в парк, за ними чернели деревья – в темноте парк был похож на настоящий лес.

Было еще не очень поздно, и Мэдиан решил пройтись сквозь парк к Кинтагелу – старому кварталу с красивым храмом и аллеями, запорошенными снегом. Мэк никогда не боялся ни темноты, ни мрачно выглядящего парка, ни настоящего леса. Они как будто притягивали его, обещая что-то интересное и таинственное, а уж на озеро Уир Мэк мог смот-

реть часами. Темная гладь воды манила мальчика так сильно, что иногда ему казалось, будто он слышит в плеске волн голоса.

Именно поэтому миссис О’Доннелл запретила ему прогулки к озеру, если только не в «кругу семьи», и всегда после таких прогулок она отправляла его молиться. Мэк фыркнул. Он молился больше, чем все члены семьи О’Доннелл вместе взятые.

Мысль о том, что рано или поздно в этот «круг семьи» придется вернуться, мальчика не радовала, а потому он решил подумать об этом позже и шагнул к ограде парка. Вдруг навстречу Мэку из тени выскользнул огромный черный кот с ярко-синими глазами. Мэдиан восхищенно выдохнул и присел на корточки, надеясь, что котяра подойдет ближе и позволит себя погладить.

Это был пушистый кот с длинным пышным хвостом, кисточками на больших ушах, густыми усами и мордой, похожей на львиную. Черная шесть без единого белого волоска сливалась с тенями под аркой ворот. Кот пристально смотрел на мальчика, чуть покачивая кончиком гордо задранного хвоста.

– Привет, мистер Большие Уши, – сказал Мэк, голос чуть осип на морозе. – Что это вы тут делаете и куда идете в такой холодный вечер?

Кот повел усами и приблизился к Мэку. С важным видом он обнюхал ботинки мальчика, дважды обошел его по кругу

и наконец соизволил потереться боком о его ногу. Мэдиан наклонился и погладил кота по спине – в ответ раздалось басовитое мурлыканье.

– Составите мне компанию, мистер Большие Уши?

Поразмыслив, кот не стал отказываться от предложения и пошел рядом с Мэком. Кошки, впрочем, всегда отлично с ним ладили, в отличие от собак и лошадей. В конюшню мэра Мэдиан даже не совался, да и конюхи его не любили.

В парке его окружила со всех сторон уютная темнота. Над расчищенными дорожками нависал ажурный купол ветвей, сугробы казались мягкими горами меха, словно под кустами и деревьями спали, свернувшись клубками, неведомые звери. Дорожки были выложены забавными разноцветными кругляшами – Мэк знал их все наизусть, исследуя узоры, выющиеся под ногами.

Он шел по аллеям, понемногу успокаиваясь. Было тихо и безлюдно, но даже когда парк был полон народу, мальчику нравилось гулять здесь, тем более что тут всегда можно было найти укромный уголок, чтобы посидеть с книжкой или послушать шепот деревьев, высасывая сладкий нектар из цветов крапивы. В парке Мэк пропадал целыми днями, когда удавалось удрать от зануд-священников, готовящих будущего семинариста к пожизненному замаливанию грехов. Деревья и кусты прятали его от посторонних глаз так, что кругом оставались только зелень, шелест и прохладная тень.

Мэк ненадолго остановился перед фонтаном, который не

работал и был весь усыпан снегом, как пирог Пэтси – сахарной пудрой. По белому искрящемуся покрову вились тени ветвей, сплетаясь в сложный узор, и мальчик заворуженно наблюдал, как меняется сиреневое кружево от каждого вздоха зимнего ветра, присыпающего фонтан новыми снежными блестками.

Мэк поежился и чихнул. Мысль о возвращении к О’Донеллам вызывала отвращение и страх. Они потребуют, чтобы мальчик каялся и просил прощения. А потом, конечно, сеанс «воспитания» от Борова...

Кот вопросительно муркнул и тронул лапой ногу мальчика. Мэдиан очнулся от раздумий, погладил кота и зашагал к знакомой калитке, которая выходила на улицу напротив собора – а неподалеку будут баррикады, где дежурят старшие дети Флиннов. Мистер Большие Уши пошел рядом.

Собор возвышался над площадью, как рукотворная гора. Священник отец О’Нил рассказывал мальчику, что собор Святой Бригиты был построен еще в четырнадцатом веке и украшен уникальными витражами и скульптурами. Задржав голову, Мэк рассматривал храм, чьи башни и шпили терялись в темноте. Красота собора ему нравилась, но никогда не трогала по-настоящему, как остальных, – хотя отец О’Нил всячески старался внушить мальчику подобающий трепет и нередко говорил, что если он хорошо будет учиться в семинарии, то, может, даже станет служить в этом прекрасном храме. Мэка это ничуть не вдохновляло. Кресты и молитвы

окружали его все время с тех пор, как он оказался у О’Доннеллов, и уже изрядно ему надоели.

Несмотря на поздний час, в храм все время входили верующие – во время войны все церкви закрывались только глубокой ночью, а открывались ранним утром. Люди искали утешения и успокоения и, как неустанно напоминал Мэдиану его наставник, просили защиты у Бога, чем и мальчику следовало заниматься с особым рвением.

Мэк перешел улицу напротив храма и оглянулся напоследок. Там хоть и было тепло, но мальчик не стал заходить, чтобы погреться. Он снова хотел есть, и уличные кухни манили его куда сильнее.

Вдруг кот, который следовал за Мэком все это время, громко зашипел, выгнул спину и прижал уши. Мальчик удивленно взглянул на своего спутника, а кот внезапно прыгнул Мэку на грудь и повалил наземь. Мэдиан задохнулся – кот оказался тяжелым, как целая лошадь.

– Псти-и-и... да что с тобой?! – Мэк попытался отпихнуть кота, но тот вцепился когтями в куртку. Перед самым лицом мальчика, близко-близко, оказались огромные синие, очень разумные глаза. В воздухе раздался странный нарастающий свист, затем – удар, треск, а потом грянул взрыв, и собор превратился в столб огня и черного дыма.

Взрыв был такой силы, что Мэка подкинуло на земле. Уши тут же заложило, и под страшный грохот хлынул дождь горящих обломков, камней, кирпичей, осколков стекла и кусков

тел. Кот вдавил мальчика в утоптаный снег, пронзительно взмяучил и прижался к Мэку всем телом. Обломки и осколки вспарывали снег вокруг, но ни один не упал ближе чем на фут.

Едва Мэдиан немного опомнился и даже попытался приподняться на локте, как ночь снова прорезал громкий свист и улицу вновь встряхнуло сразу от двух взрывов, уничтоживших еще два дома. Мэк в ужасе зажал уши, чтобы не слышать грохота и отчаянных криков, зажмурился, чтобы не видеть, как взлетают к темному небу фонтаны осколков, съежился под тяжестью кота.

«Нет-нет-нет! Не хочу! Не надо, пожалуйста!»

Мальчик задохнулся; горло сдавило так, что дышать стало больно, нос наполнился душливым запахом гари и дыма. Мэк дернулся, услышав новый взрыв, и цепочка с крестиком вдруг захлестнула его шею, как удавка. Мальчик заскреб руками по горлу, нашарил цепочку, оттянул и случайно открыл глаза.

Перед ним пылали остатки собора – вместе со всеми, кто еще оставался внутри, кто еще выжил после взрыва. Тени, как бесы в аду, метались в пламени, и над улицей плыл жуткий многоголосый крик. Несколько человек ползли по снегу, оставляя за собой темный след.

«И это ваша Божья помощь? – пронеслось в голове Мэка. – Ваша защита, о которой вы так молили Его?!»

Он стиснул крестик в кулаке и рванул цепочку, лопнув,

она больно хлестнула его по шее, и Мэк отшвырнул ее прочь вместе с крестом. Кот вдруг спрыгнул с груди мальчика, за секунду вырос до размеров быка и издал громкий, торжествующий, рокочущий рык. Мэдиан отпрянул от гигантского зверя и сжался в комок. Над ним поднялась огромная когтистая лапа, схватила и притянула под бок к коту.

«Залезай», – отчетливо прозвучало в голове Мэка. Чуть дальше, ниже по улице опять раздался свист, грохот и полыхнуло зарево пожара. Мэдиан вцепился в шерсть кота, вскарабкался к нему на спину, поближе к шее, и зарылся в густую гриву. Кот развернулся и длинными, стелющимися прыжками помчался прочь от горящего храма.

Тихие любимые улочки Блэкуита превратились в ад. Непрерывный свист в небе, взрывы, от которых все переворачивалось в голове, люди, которых на бегу настигала смерть, огонь, брызги снега, земли и осколков, жгучий запах горелого, истошные вопли, едкий, забивающий нос дым – все слилось перед Мэдианом в ночной кошмар.

Люди выбегали из домов, неслись по улицам, кричали, метались, плакали, топтали поскользнувшихся и упавших, а сверху сыпали и сыпали снаряды. Некоторые рвались прямо в воздухе, расцветивая город последним фейерверком. Весь мир, который Мэк знал, рушился вокруг него, рассыпаясь дымящимися осколками.

– Папа! – отчаянно закричал Мэк, сам не зная, почему зовет его. – Папа, забери меня, мне страшно! Папа, где ты?!

Он только краем глаза видел вылетающих из окон горящих людей, страшно кричавшую женщину в окровавленном кринолине, пламя, толпу, которая беспорядочно кидалась во все стороны одновременно, горящие и падающие, такие красивые деревья. Он уткнулся лицом в черную кошачью шерсть и зарыдал.

Мэк не понял, когда они вырвались из Блэкуита, оставив позади огонь, крики и взрывы. Городские предместья промелькнули как сон, и вскоре перед котом и мальчиком растелились пологие белые холмы, за которыми блеснул тонкий темно-синий хрупкий озерный лед, чуть припорошенный пушистым снегом.

Кот домчался до невысокого берега, остановился и вдруг стряхнул мальчика со своей спины. Мэк кубарем покатился по снегу и остановился, едва не свалившись с берега на лед.

«Иди», – раздалось в голове Мэдиана. Кот пристально смотрел ему в лицо нереально синими глазами.

– К-к-куда? – пролепетал мальчик. Кот указал лапой на озеро. Вдали виднелся еле различимый белый огонек – или это иллюзия из-за темноты, снега и льда...

– Нет! – выдохнул Мэк. Кот взял его зубами за шкурку, как котенка, и перенес с вершины берега на пологий склон.

«Иди».

– Но там темно, холодно и никого нет!

Кот молча склонил голову набок. Позади него мальчик

увидел поднимающееся к небу багровое зарево – и вдруг понял, что дядя Джек и тетушка Пэтси все еще там! В городе! Посреди этого кошмара!

– Тетя Пэтси! Дядя Джек! – выдохнул Мэк. Дыхание поднялось густым облачком и осело на лапах кота. Мальчик отчаянно вцепился в его шерсть. – Помоги им! Спаси их! Пожалуйста! Я сделаю все что хочешь, пойду куда хочешь, только спаси! Ты же можешь!

Кот посмотрел на него сверху вниз и задумчиво мигнул.

– Пожалуйста! – взмолился Мэк. – Я пойду на озеро, только найди их, скорее! Может, они... они уже...

«Хорошо», – сказал кот.

– Спасибо, – прошептал мальчик и сполз с берега на озерный лед. – Куда мне надо идти?

Кот снова указал лапой на середину озера, развернулся, махнул хвостом и одним могучим прыжком скрылся в темноте. Мэдиан шмыгнул носом, вытер его рукавом и, поскалываясь, побрел вперед, к бледному огоньку далеко-далеко в середине Уира.

Лед был похож на стекло – темный от виднеющейся под ним воды, хрустящий под ногами. Середина озера Уир, которое горожане иногда называли «наше море», не замерзала никогда – по крайней мере, так говорили на уроках в школе. Мэдиан шел по льду, гадая, что же будет делать, когда лед закончится и перед мальчиком расстелется водная гладь самого большого озера на острове.

Задул холодный ветер. Мальчик плотнее завернулся в куртку, натянул на голову шарф, невольно ускорил шаг, пытаясь согреться и уйти от порывов ветра. Вдали раздался грохот, и Мэк, подскочив от ужаса, побежал – вперед, к сердцу Уира.

Мэдиан промчался по льду несколько десятков ярдов, и наконец прозрачное морозное стекло проломилось у него под ногами. Жгучая холодная вода накрыла его с головой. Мальчишка забарахтался, забился, но жидкий лед мигом заполз в рукава, в ботинки, сунул холодные пальцы под шарф, впился острыми иглами в тело, залился в рот, в уши, в нос. Мэк стал захлебываться, окаменевшая одежда тянула его на дно, однако он боролся и трепыхался, пока все тело не сковало от боли. Руки и ноги онемели, вода захлестнула лицо, и мальчик стал медленно падать вниз. Легкие раздирали, но он еще видел, как по тонкому льду над ним легким галопом мчится белый конь с развевающимися на ветру гривой и хвостом, со всадником на спине. Конь перемахнул полынью, остановился, и всадник спрыгнул на лед.

«Мэкки! Мой Мэкки Огонек!»

Незнакомец опустился на колени над полыньей, и вокруг расстелился длинный плащ из снега и льда. Всадник опустил руки в воду, и Мэдиана потащило вверх, выше и выше, пока он не коснулся холодной ладони всадника.

«О, Мэкки, наконец-то!»

Мэдиан не мог различить его лица – как в тумане, он ви-

дел длинные черные волосы, черную бородку и усы, неожиданно яркие глаза цвета малахита, но лицо... лицо не разглядеть, как бы Мэк ни напрягал зрение.

«Вернись ко мне, мой Огонек, – прошептал мягкий глухой голос будто прямо в сердце мальчика. – Вернись ко мне, прошу!»

«Папа?» – неуверенно подумал Мэк, сжимая ледяную ладонь.

«Сынок, – отозвался всадник. – Остайся со мной, пожалуйста!»

В памяти Мэка на миг появились тетя Пэтси, и дядя Джек, и дом, и цветные дорожки в парке, и сладкие леденцы, которые ему покупала тетя Пэтси на сдачу, но все тут же исчезло. Весь мир, который он знал, сгорел за одну ночь, и Мэку некуда было возвращаться.

«Папа, – позвал он. – Это ты, папа? Забери меня, мне так холодно здесь, пожалуйста!»

«Конечно, сынок. Ты хочешь остаться со мной?»

«...да».

Озеро вокруг взбурлило и вытолкнуло Мэка из полыньи в руки всадника. Тот схватил мальчика, согнул через колено и надавил ему на спину. Вода хлынула изо рта и носа Мэка, мальчишка чуть не захлебнулся и зашелся в отчаянном кашле.

– Тише, Мэкки, тише, – шепнул отец. – Все хорошо.

Мэдиан наконец увидел его лицо – бледное, словно снег,

красивое, строгое и печальное. В ответ на взгляд мальчика всадник улыбнулся, подхватил его на руки и прижал к груди. Длинные черные волосы обвились вокруг Мэка, словно кокон. Парнишка жадно прижался к мужчине, согреваясь в его тепле, и его руки теперь тоже были теплыми, хотя Мэк мог поклясться, что всего минуту назад...

Отец укутал его с головы до ног в свой плащ, изнутри подбитый длинным белым мехом. Мальчик зарылся в него по самые уши. Дрожь прошла, холод исчез, стало так хорошо, будто Мэк уснул около печки, под пуховым одеялом.

– Мэки, мой Мэки, наконец-то! – Мужчина поднялся, крепко сжимая мальчика в объятиях. Громко заржал конь, вокруг торжествующе взывала вьюга. – Мой, только мой! Наконец-то я пришел к тебе, вернул тебя, Огонек!

– Папа? – полувопросительно, полусонно прошептал Мэк.

– Спи, Огонек. Путь у нас неблизкий.

Но Мэк не мог спать, пока не выяснит самый важный вопрос. Стряхнув сладкую дрему, он уперся рукой в плечо отца и спросил с затаенной обидой, которая зрела в нем столько лет:

– Почему ты раньше не пришел за мной?

– Потому что люди – гнусные воры, – процедил всадник. – Но они не только крадут, они запирают украденное на тридцать замков, хотя оно им только ненавистно и не нужно. Их священники, псалмы, кресты хуже цепных псов! Я не мог и близко подойти к тебе. Если бы ты хоть раз, гуляя у озера,

снял свой крест...

Мэк прикусил губу. Что-то такое ему тысячи раз говорили священники и миссис О’Доннел...

– Значит, твой кот – это дьявол? – робко спросил он, и всадник громко расхохотался:

– Конечно нет! Это мой старый друг, Ирусан, король всех котов. Он и его слуги присматривали за тобой, пока тебя держали в клетке. А где он, кстати?

– Я его попросил. – Мэк нервно облизнул губы, взрослые редко хвалили его за самостоятельность. – Я попросил спасти тетушку Пэтси и дядю Джека. Они... они все еще там. – Он мотнул головой в сторону города и зажмурился. Отец притянул его ближе и коснулся губами лба.

– Хорошо, Мэкки. Ирусан всегда держит слово, и твои тетушка и дядя будут под его защитой, пока опасность не минует. Это они заботились о тебе?

Мэк кивнул.

– Значит, пришло время их вознаградить. Я дарю им отменное здоровье, чутье на ложь и удачу во всех делах. А теперь – нам пора.

Он свистом подозвал коня и посадил мальчика в седло, сам тут же вскочил на спину лошади и снова завернул Мэка в плащ.

– Я все еще не знаю, как тебя зовут, – смущенно сказал мальчик.

– Я Аррун, а это, – отец похлопал коня по шее, – тоже мой

друг, Иней, сын Вьюги и Бурана. Его можно погладить.

Иней приветливо всхрипнул. Он был белее снега, его глаза – чернее ночи, а серебристые грива и хвост опускались до земли. Мэк осторожно выпростал руку из плаща и погладил шею Инея, удивленно прислушиваясь к своим ощущениям. Вокруг свистела метель, мальчик чувствовал мороз, но ему было не холодно.

– Папа, а я... умер? – нерешительно уточнил он, покосившись на полынью.

– Для людей – пожалуй, что да, – после паузы ответил Аррун.

– Тогда куда же мы едем?

– Домой. Мои подданные, мои братья и сестры, их дворы и семьи – мы все покидаем этот мир. Только я задержался, ожидая тебя.

– На одиннадцать лет? – прошептал Мэк.

– Одиннадцать? Это, наверное, очень долго, раз ты успел вырасти. Я все время ждал, пока ты дашь мне возможность, хотя бы позовешь меня...

– Я не знал, – ответил мальчик. Столько времени он потерял! – Мне никто не сказал, что я могу позвать тебя.

– Но в эту ночь ты позвал, и я сразу услышал. Ты так звал меня, – с нежностью сказал Аррун, крепче прижимая Мэка к себе. – Огонек, скажи, кто посмел так напугать тебя?

Страшное видение горящей церкви и воплей, полных невыносимой боли, снова явилось перед мальчиком. Грохот

в небесах и на земле, жуткий свист, огонь, дым и кровь...

– Шерман! – прошипел Мэк, его рыжие волосы поднялись, будто вздыбленная шерсть. – Шерман! Он убил их всех!

Мальчик оперся руками о плечо отца и приподнялся на седле, впился взглядом в почерневший, подсвеченный заревом пожаров силуэт Блэкуита. Оттуда все еще доносился грохот, ослабленный расстоянием.

– И что, он не ответит за это?! – закричал Мэк.

– Это война, Огонек, – покачал головой Аррун. – И сегодня он – победитель.

– Он не победитель, он гад и убийца! Он должен за это поплатиться!

Отец приподнял голову Мэка за подбородок и спросил:

– Ты хочешь отомстить ему?

– Да!

– О, – с гордостью прошептал Аррун – Значит, ты воистину нашей крови!

Иней громко заржал и взвился на дыбы, ударив копытами по льду. Аррун расхохотался, взвыл ветер, конь заплясал, взламывая лед и взбивая волны. Мэк завизжал от восторга, вцепившись в серебристую гриву.

– Сегодня, – голос Арруна вплеся в вой метели, – смертные в последний раз почувствуют на своей шкуре месть нашего рода.

Всадник подхватил Мэка и подбросил в воздух. Маль-

чишка вскрикнул от страха и с изумлением понял, что парит в воздухе, а выюга качает его, как на волнах.

– Лети, Огонек, и делай с ним что хочешь – а я напому его своре о том, что такое гнев Ледяного Короля!

– Это единственный уцелевший дом, сэр, – сказал капитан Холлден, стуча зубами.

Глубокой ночью вдруг ударил такой мороз, что, казалось, кости треснут. На деревеньку, где Шерман планировал разместить свою ставку, обрушился снежный буран, превративший ночь в непроглядную тьму, в которой выл ледяной ветер, а снег несся с такой скоростью, что резал кожу, как бритва.

– Останки уже вынесли, – добавил Холлден. – Скоро придут полковые кухни, сэр.

Великий полководец с грустью посмотрел на ремень. Похоже, что от жареных куриц, сочных стейков и ростбифов пора отказаться.

– Хорошо, Холлден. Пришлите мне мяса и хлеба.

– Да, сэр. Я приказал растопить камин в комнате на втором этаже. – Поколебавшись, капитан спросил: – Сэр, вы уверены, что было целесообразно?..

– Холлден, – отрезал генерал. – Вы рассуждаете, как поп. Если мы хотим закончить войну скорее и с меньшими жертвами с нашей стороны, то нам нужно научить риадцев бояться. Они сопротивляются, потому что считают себя героями

освободительной войны. А два-три Блэкуита быстро вылечат их от излишнего патриотизма.

Его офицеры засмеялись шутке великого человека. Один Холлден мрачно молчал. Он недавно сообщил, что чертovsky католические псы вцепляются мертвой хваткой в каждый фут земли, а в некоторых кварталах даже перешли в наступление, особенно когда на город обрушился мороз. Пока солдаты Империи чуть ли не на ходу околевали от холода, рядские выродки как будто вовсе его не замечали.

– Занесите это в свои мемуары, Холлден! – все еще смеясь, воскликнул Соммерсон. – Мы пишем историю, и вы просто обязаны сохранить эти слова для благодарных потомков!

– Ну-ну, расшутились, – добродушно проворчал Шерман, поднялся в свой «кабинет», захлопнул дверь и чуть не подпрыгнул: комната оказалась жилой. В кресле у камина сидел милovidный рыжий мальчик, одетый в зеленое и красное. Он молча исподлобья рассматривал Шермана. Генерал, в свою очередь, подозрительно уставился на мальчика. Во-первых, тот выглядел чересчур опрятно для ребенка, пережившего бомбардировку, во-вторых, он был одет очень легко, но ему, видимо, было вовсе не холодно.

– Фу, – наконец постановил мальчишка, изучив генерала во всех подробностях и не проникшись к нему особой симпатией.

– Мальчик, ты как сюда попал? – спросил Шерман.

Мальчик перебрал руками по подлокотнику, подбираясь ближе к генералу, и выдохнул ему в лицо:

– Ты их всех убил.

– Кого? – озадачился генерал. Щенок ему разонравился, к тому же мало ли кого могли подослать с кинжалом или пистолетом враги короны и ее величества. Шерман отступил к двери и опустил руку на пистолет в кобуре.

– Легко убивать других, ничего не зная о смерти, да? – сказал ребенок. Он смотрел на Шермана, не мигая, как змея, и глаза у него были неестественно темно-зелеными. Или так казалось из-за бледного лица и света от пламени в камине?

– Не дерзите старшим, мастер, – сказал Шерман. – Где ваши родители? Что вы тут делаете?

– Жду тебя, – ответил мальчишка. – Ты умрешь.

Генерал ошарашенно заморгал и тут же глухо вскрикнул: мальчишка исчез! Шерман выхватил пистолет, подбежал к креслу, и тут позади раздалось:

– Странно, да?

Он резко повернулся. Мальчик стоял у камина, опустив руку в огонь, и играл с языками пламени, как с водой.

– Ты кто? – выдохнул генерал. Страх стал закрадываться в его душу – но он подавил постыдное чувство. – Как ты здесь оказался?

– Они этого не ждали, и ты тоже не ждал, – продолжал парнишка. – Но я тебя предупредил. Хоть это и нечестно – ты-то их не предупреждал. – Он взглянул на Шермана.

Генерал сглотнул.

– Сядь, – разрешил ему щенок.

Ноги тут же подкосились, Шерман упал в кресло, снова отвел глаза от мальчишки, и чертов выродок опять исчез!

– Прекрати! – хрипло крикнул Шерман.

– Извини, – донеслось со стороны окна. Мальчик завис в воздухе над столом, где были расстелены карты наступления. – Я сам не понимаю, как это делаю. Наверное, привыкну как-нибудь потом.

«Карты!» – мелькнуло в голове генерала, и он закричал:

– Все сюда! Тут шпи...

– Молчи, – строго сказал мальчик. Голос пропал, и как бы Шерман ни старался выдавить из себя хотя бы звук, у него не получилось. Он вскинул руку и дважды выстрелил в неведомую тварь над столом. На звуки выстрелов обязательно явятся его солдаты и офицеры!

– К тебе никто не придет, – произнес ребенок и вдруг оказался прямо перед лицом Шермана. – Не шевелись.

Руки и ноги генерала безвольно повисли, пистолет выпал на пол. Тонкие бледные пальцы коснулись лба Шермана.

– Я покажу тебе все, – пообещал мальчик. – Ты увидишь их всех, умрешь с каждым, почувствуешь боль каждого как свою, ничего не пропустишь.

По спине Шермана потек пот, хотя в комнате было холодно, как в проруби. Весь мир сузился до пары огромных зеленых глаз, глубоких и темных, как лесные омуты. В их мер-

дающей глубине уже мелькали неясные образы, тени людей, огня и дыма, и до генерала доносились слабые звуки: хлоп-ки, свист и шорох.

– Смотри, – прошелестел детский голос, и в уши хлынул грохот разрывов.

От боли перед Шерманом все затмилось. В лицо брызнул окровавленный снег, замелькали несущиеся куда-то люди, бегущие ноги, и чей-то чужой страх вцепился в него, как хищная птица. Его собственные ноги горели, спину разрывала боль от осколков, и сам он, глухо подвывая, полз по усеянному осколками полу. К дверям, только бы добраться до двери, там спасение! Кто-то наступил ему на руки, на спину, на голову, его череп и позвоночник захрустели, треснули, и мир потонул в боли и тьме.

А потом Шерман вернулся в него снова. Один за другим жители Блэкуита, погибающие в дыму и пламени, задыхающиеся под завалами, затоптанные в панике или разорванные снарядами, делились с ним своей болью и смертью – и всех их было слишком много, чтобы человек смог это вынести.

Ранним вечером дверь открылась, и вошли двое: невысокий, крепко сбитый блондин в зеленом повстанческом мундире с офицерскими нашивками и рослый, худощавый, очень рыжий мужчина. Им было лет тридцать – тридцать пять на вид, левая рука офицера висела на окровавленной перевязи. Ни тот, ни другой не увидели Мэка, его отца и

Ирусана – король котов уменьшился настолько, чтобы с комфортом разместиться на руках у мальчика.

– Этот, что ли? – буркнул рыжий мужчина и кончиком кавалерийской сабли повернул голову мертвеца, лежащего в кресле.

– По показаниям пленных, последний раз генерала Шермана видели поднимающимся в эту комнату. Потом из нее раздался дикий крик, но они не смогли выбить дверь.

– Он какой-то слишком седой для генерала. Шерман не старик.

– Но мундир генеральский. Странно. – Офицер с опаской подошел поближе. – От чего он умер? Не похоже на смерть от холода.

Аррун усмехнулся и положил руку сыну на плечо. Мэк тихо вздохнул.

– Кто его знает, сэр. Я бы сказал, судя по физиономии, что его кто-то до смерти напугал, – взгляд рыжего скользнул прямо по Мэку, – да только тут никого нет. Может, удар?

– Всякое бывает. Тем не менее с генералом Шерманом покончено и с большей частью его полков здесь – тоже. Захваченные пушки и боеприпасы теперь наши, как и многое другое. – Офицер поворошил здоровой рукой карты на столе. – Интересно, интересно... – Он кашлянул и несколько неловко спросил: – Как обстоят дела у ваших сестер, Натан? Мне казалось, что, кгхм, миссис Шеридан...

– Благополучно разрешилась, – так же смущенно ответил

рыжий. – Мальчик. С Пэтс тоже все в порядке, разве что она все время бормочет про какого-то кота.

– Нервное потрясение, – сказал офицер. – Но она оправится, ваша сестра из крепкой породы. Соберите здесь остальных. Не будем терять время.

– Куда же нам спешить, сэр?

– На север и дальше, – ответил офицер. – Пока не вышвырнем их с наших берегов.

– Как скажете, сэр. Я сейчас их приведу.

Рыжий вышел. Мэк поднял глаза на отца.

– А мы? Что будем делать мы?

– Отправимся домой, сынок. Нас уже заждались.

– Но мы ведь не сможем вернуться сюда вновь?

– Кто знает, – задумчиво ответил Аррун. – В твоих жилах течет кровь смертных, так что, быть может, если ты будешь скучать...

– Я буду скучать, – шепотом повторил Мэк. Он не был уверен, что скоро соскучится по этому месту. Он чувствовал, как его привязанность к Блэкуиту тает, будто снег на солнце, а пути, ведущие к золотым холмам и хрустальным башням, тянут к себе все сильнее. Даже воспоминания о ночи кошмаров отдалялись, словно, разделив их с Шерманом, он потерял какую-то часть... Впрочем, важно ли это?

– Пойдем, пап, – сказал мальчик. – Иней уже заждался.

– И то верно. Того гляди ускачет без нас.

...Окно распахнулось, по комнате свистнул порыв ледя-

ного ветра. Выругавшись, Айртон Бройд прижал уцелевшей рукой карты и листы донесений, а когда ветер стих, захлопнул окно, с удивлением заметив в морозных узорах на стекле следы: один от кошачьей лапы и два отпечатка ладоней – мужчины и ребенка.

Первая охота

Блэкуит, апрель 1864 года

14 апреля

Бреннон опустился в кресло и, довольно побряхтывая, вытянул ноги к камину. Середина апреля в Блэкуите выдалась промозглой и дождливой, а хуже всего – с озера постоянно дул пронизывающий ветер. Но в доме у Лонгсдейла было тепло – может, даже благодаря какой-нибудь магии. Камин жарко горел, освещая небольшую гостиную на втором этаже. Джен принесла комиссару обжигающий кофе и горячие булочки. Жизнь определенно налаживалась.

– Ну, что? – спросил Натан. Недавно он приволок консультанту увесистую пачку дел из архива – Бройд лелеял надежду, что Лонгсдейл сумеет что-нибудь сделать с глухарями, которые мертвым грузом висели на шее у полицейского департамента уже много лет.

– Пока что ничего по моей части я не обнаружил, – сказал консультант, почесывая носком туфли спину пса.

– Наверное, мне нужно этому радоваться, – проворчал комиссар. – По мне, чем меньше всей этой магической чертовщины, тем лучше.

Джен за его спиной громко фыркнула, и Лонгсдейл бросил на нее строгий взгляд. Пес лениво перекатился на другой бок и зевнул, продемонстрировав впечатляющую пасть, похожую на медвежий капкан.

– У меня еще осталось несколько папок, но не думаю, что там я найду улики, указывающее на вмешательство, – сказал консультант. – Все-таки чаще всего в нераскрытых делах виноваты не темная магия, нежить или нечисть, а обычные человеческие пороки.

– И слава богу, – хмыкнул Бреннон. – А то так и свихнуться недолго. А что вы делаете, когда не участвуете в полицейских расследованиях?

– Работаю.

– По частным заказам?

– Не всегда. Иногда я сам нахожу следы того или иного вмешательства и занимаюсь устранением проблемы.

– Благотворительность, значит, – заключил комиссар, сделал еще глоток кофе и посмаковал, зажмурившись от удовольствия.

– Это не благотворительность, – возразил Лонгсдейл. – Наш долг, обязанность всех консультантов – находить и ликвидировать нежить и нечисть всюду.

«Кто же, хотелось бы знать, возложил на вас эту обязанность и почему вы так беспрекословно подчиняетесь?» – подумал Натан. Но сегодня он был в слишком благодушном настроении, чтобы рыться в темном прошлом собеседника,

а потому задал давно интересующий его вопрос:

– А что вы делаете, чтобы найти следы вмешательства? Ну, не в рамках полицейского расследования или заказа, а вот как вы сказали.

– Зависит от ситуации. Иногда я посылаю Джен патрулировать город...

Со стороны ведьмы донесся ехидный смешок.

– ...а иногда буквально спотыкаюсь о следы присутствия нежити или нечисти, – закончил Лонгсдейл, возмущенно покосившись на девушку.

Все его педагогические поползновения, как понял Натан, завершались полным провалом – но консультант не сдавался и упорно надеялся научить ведьму чему-то хорошему, невзирая на сопротивление.

– Вот, например, – продолжал Лонгсдейл и протянул комиссару листочек, на котором был нацарапан карандашом какой-то план. – Недавно, когда я осматривал окрестности, мое внимание привлекли старые соляные шахты к северу от города.

– А, Скарсмолл, – обрадовался Бреннон. – Там одно время было логово шайки, которая грабила почтовые дилижансы и сбывала краденое в Блэкуите и Кориханте. Но мы его зачистили еще с год назад.

– Да нет же! – воскликнула Джен. – При чем тут ваши вороватые дегенераты? Мы нашли лежбище вурдалаков!

– Кого? – озадаченно переспросил Натан.

– Кровососущая нежить. Завтра мы с Джен поедem к шахтам и посмотрим, что можно сделать.

– Вы будете охотиться в соляных шахтах на кучу нежити вдвоем? – удивился Натан. Пес громко засопел, и комиссар тут же внес поправку: – Втроем с этим славным созданием?

Славное создание молча пробуравило его взглядом и щелкнуло клыками.

– Ну, это не настолько опасно, как кажется, – с улыбкой сказал консультант. – Мы отправимся днем, пока они спят.

– Я думал, там, где нежить, всегда опасно.

– Зависит от ее вида. В сущности, вурдалака можно зарубить даже топором, главное – отделить голову от тела и сжечь все останки. В общем-то, если бы не страх, с этим мог бы справиться даже обычный лесоруб.

– Э? – озадачился Бреннон, потер бородку и внес новое, неожиданное предложение: – Тогда почему бы мне не отправиться с вами?

Лонгсдейл поперхнулся чаем и вытаращил на него глаза, засветившиеся голубым огнем от изумления:

– Вам?! С нами?!

– Вы что, решили покончить с собой? – спросила ведьма. – Есть способы и попроще.

– Но вы же сами говорите, что это не очень опасно.

– Это не очень опасно для нас, а точнее – для меня, – подчеркнула Джен. – И вот для него. – Она ткнула пальцем в пса, который быстро закивал. – А вы там можете пригодить-

ся ТОЛЬКО в качестве наживки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.